

FANTASTIKA

MICHAEL FLYNN

THE JANUARY
DANCER

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2014

МАЙКЛ ФЛИНН

ТАНЦОР ЯНВАРЯ

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2014

УДК 82/89
ББК 84.7 США
Ф 72

Michael F. Flynn
THE JANUARY DANCER

Copyright © 2008 by Michael F. Flynn

All rights reserved

Map by James Sinclair

Cover illustration by Steve Stone

Перевод с английского Владислава Лотовского

ISBN 978-5-91878-104-3

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2014

*Хари, Бикраму, Сандипу, Яшу
и остальной банде со Старого Ченнаи*

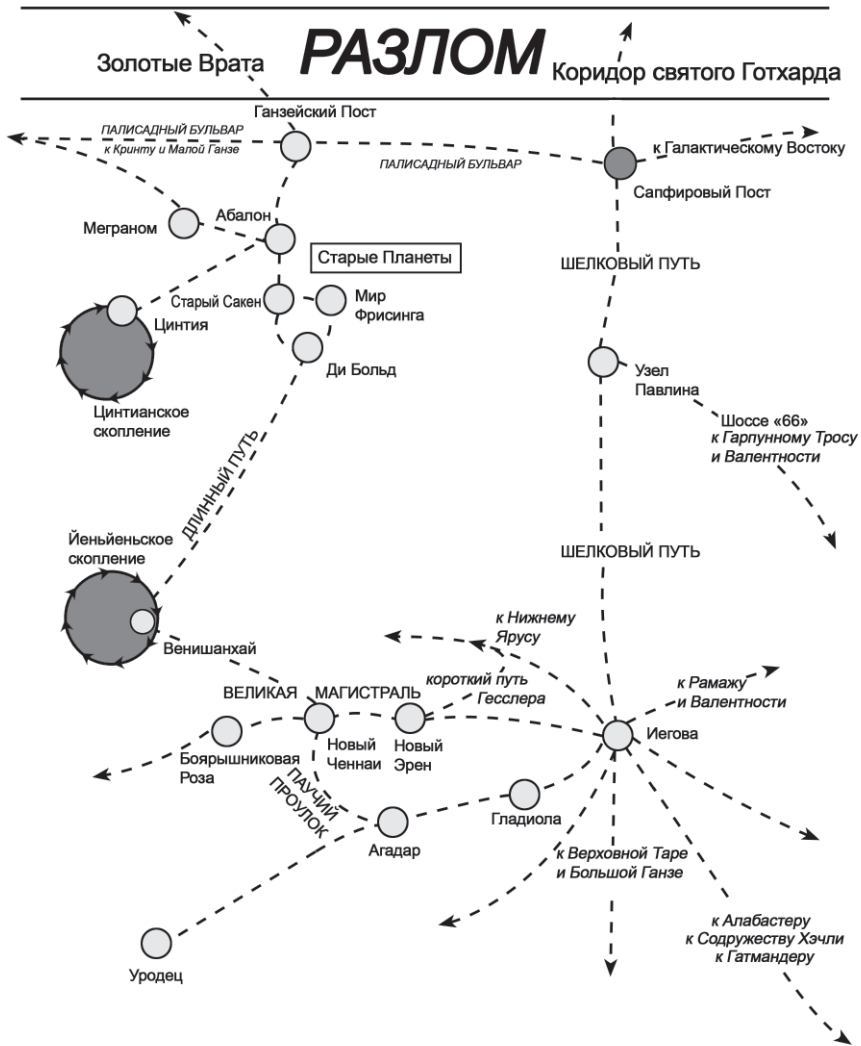

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арфистка	
Человек со шрамами	
Амос Январь	капитан грузового звездолета «Нью-Анджелес»
Микмак Энн	его старший помощник
Мэгги Барнс, Билл Тираси, Джонни Мгурк, Слаггер О'Тул, Нагарай Хоган, Махмуд Мэлоун	команда «Нью-Анджелеса»
Красавчик Джек Гэртити	Известная Персона на Новом Эрене
Маленький Хью О'Кэрролл	Призрак Ардоу, помощник управляющего на Новом Эрене, также известный как Рингбао делла Коста, Эсп'ранцо
Полковник София Юмдар	командир 33-го полка МТК
Майор Ходхури	ее заместитель
Фир Ли	Гончий Ардри, командующий Сапфировым Постом
Грейстрок	Старший Щен Фира Ли, также известный как Тол Бенлевер
Хан Молнар Матсумо	главарь пиратов Кинле Хадрамоо, Цинтианское скопление
Фудир	аферист, также известный как Калим де Мурси, терранский Закуток Иеговы
Мемсаиб	глава Братства Терры на Иегове
Олафссон Цин	курьер из Конфедерации Центральных Миров
Бан Бриджит	Гончая Ардри, также известная как леди Жюльен Мелисонд
Гримпен, Виллги Донован	Гончие Ардри «спящий» агент Конфедерации Центральных Миров
Конми Пулавайо-Шмидт	директор КТК на Узле Павлина
Фэнди Джексон	лидер Братства Терры на Ди Больде
Леди Радха Карго Далхаузи	председатель Межзвездной Торговой Компании
Другой Олафссон	теневой агент-конфедерат
Коммодор Бактияр Саукконен	командир авангарда, 3-й миротворческий флот МТК
Пьяницы, пираты, купцы, торговцы, мятежники, игроки, карманники, слуги, воры, терране и прочее разношерстное сборище	

Южно-центральная область, Объединенная Лига Периферии

Двумерная проекция южно-центрального Спирального Рукава, Объединенная Лига Периферии. Не все звездные системы и скопления расположены на одном и том же уровне, а разделяющее их расстояние не всегда пропорционально времени, которое требуется для его преодоления.

АНАЛОГИ ПЕРИФЕРИЙНОГО ВРЕМЕНИ

На Старых Планетах используется додека-время, основанное на величинах, кратных двенадцати, тогда как в остальных частях Периферии используется метрическое время, основанное на величинах, кратных десяти. Обе системы опираются на частоту сердечных сокращений, или ударов. Помимо того, планетарные правительства также пользуются местными единицами измерения времени.

$$1 \text{ удар} = 0,83 \text{ секунды}$$

Метрическое время	Приблизительное терранское время
100 ударов = 1 гектоудар = 1 метрическая минута = 1,39 минуты	
1000 мминут = 1 гектоминута = 1 хора = 2,31 часа	
1 киломинута = 10 ор = 1 метрический день = 0,96 дня	
10 мдней = 1 декадень = 1 метрическая неделя = 9,6 дней = 1,38 недели	
40 мдней = 1 метрический месяц = 38,6 дней = 1,29 месяца	
1000 ор = 1 гектодень = 1 метрический сезон = 96,5 дней = 13,8 недель = 3,2 месяца	
360 мдней = 1 мгод = 347 дней*	

* Метрический год короче додека-года на 13,5 мдня. Бюро Стандартизации Лиги ввело особую временную величину, известную в обиходе как «наверстывающая неделя», несмотря на то что она длиннее стандартной метрической недели.

Додека-время	Приблизительное терранское время
12 ударов = 1 дюжиудар = 10 секунд	
24 удара = 1 кейс ударов = 20 секунд	
144 удара = 1 гроссудар = 1 дминута = 120 секунд = 2 минуты	
24 дминуты = 1 кейс дминут = 1 ар = 48 минут = 0,8 часа	
360 дминут = 1 круг дминут = 12 часов	
2 круга дминут = 1 ддень = 1 день	
144 ара = 1 гросс аров = 1 днеделя = 4,8 дня	
половина дюжинедели = 6 днедель = 1 дмесяц = 28,8 дня = 1 месяц	
360 ддней = 1 круг ддней = 1 дгод = 360 дней	

Кратными додека-величинами являются: 12 (дюжи), 24 (кейс), 144 (гросс) и 360 (круг).

В просторечии додека-день сокращают доде-дня, а додека-время в целом часто называют «дюжиднями».

ОН БРОЛЛАХ¹

Во Вселенной все старше, чем кажется. Вините в этом Эйнштейна. Мы видим звезды такими, какими они были в момент излучения ими света, а это случилось давным-давно. В ночном небе нет ровесников ни нам, ни друг другу. Древние звезды рассыпаются в прах прежде, чем мы замечаем их; увиденные нами в пламенеющих «яслях», они успевают состариться еще до того, как мы узнаем об их зарождении. Все, чему мы поражаемся, уже мертво.

И все же лучи света движутся вечно, поэтому все, что успело одряхлеть и сгинуть, где-то еще сохраняет облик юности. Вселенная полна призраков.

Но образы — это свет, а свет — энергия, энергия — материя, и вот материя уже реальна. В конечном итоге образ и реальность — суть одно и то же. За это также вините Эйнштейна.

Бар на Иегове не нуждается в громком названии, поскольку он является единственным оазисом спокойствия на всей планете. Старейшин это ничуть не смущает, они даже скорее предпочли

---

¹ *An brollach* — пролог, предисловие, введение (ирл.). — *Здесь и далее примеч. ред.*

бы, чтобы бар вместе со всеми его завсегдатаями провалился в тартарары из древних мифов. Но превратность судьбы вынудила их построить и содержать сей довольно специфический эдем.

Эта самая превратность судьбы заключается в том, что Иегове посчастливилось находиться на главной развязке Электрической авеню — громадной потоковой магистрали, связывающей звезды. Если бы она представляла собой небольшую ценность, ее давно захватил бы главарь какой-нибудь банды. Будь она средней значимости, это сделало бы какое-нибудь правительство. Но мы имеем дело с Матерью Всех Узлов, и поэтому никто не осмеливается на нее посягнуть. Из сотни рук, тянущихся к планете, девяносто девять не позволят одной схватить ее. Назовем это своего рода миром.

Следовательно, это единственный порт во всей, не такой уж объединенной, Объединенной Лиге Периферии, где капитан корабля и его команда могут не бояться, что с их грузом, судном да и с ними самими что-нибудь произойдет за время недолгих увеселений. Поэтому бар и считается своего рода эдемом. Только здесь человек может получить противоядие от плода с древа познания добра и зла, ведь по пьяной лавочке он редко способен отличить одно от другого. Старейшины вмиг примечают дойную корову, пусть даже корова эта больше похожа на аспиду, ведь деньги — корень всех зол.

Она попала на Иегову, потому что рано или поздно сюда попадают все. Спиральный Рукав похож на довольно объемный стог сена, а человек — исключительно маленькая иголка, но лишь на Иегове подобные поиски могут увенчаться успехом, поскольку это единственное место, где есть шанс найти нужного человека.

Она — оллам, о чем свидетельствует заброшенный за спину футляр с арфой. Она стройная и гибкая, как кошка, и двигается по-кошачьи самоуверенно, скорее не идет, а скользит, впрочем, что-то в ней выдает странника. Бармен смотрит с долей одобрения на то, как она идет в бездну беззакония, ибо так держать музыкальный инструмент может лишь тот, кто им одним способен и развеселить, и опечалить, и напугать.

Пересекая комнату, она ловит на себе взгляды тех, кто еще пребывает в сознании, и даже несколько упившихся вусмерть людей провожают ее невидящими взорами. У нее зеленые глаза, а это опасно — они цвета не травы и пологих холмов, но резко-острого, стеклянно-зеленого кремня. Огненно-рыжие волосы оттеняют цвет глаз; а кожа у нее темно-золотая, ибо потомки Старой Земли давно растворились в десятках иных рас. Ведь то, в кого превратился человек с помощью науки, есть отражение того, кем он мог бы стать. И в то же время в арфистке чувствуется обособленность. Сердце оллама похоже на неприступную твердыню, но кто знает, что скрывается за ее вратами?

Когда она протискивается в дальний угол, сидящие там люди отодвигают стол и менее проворных приятелей, освобождая ей место. Она не просит разрешения. Никто из ей подобных не просит. Ни менестрель, ни миннезингер, ни скальд, ни бард, ни трубадур. Они просто появляются — и поют за горячий ужин.

Она открывает футляр, и внутри, как и подозревали наблюдавшие за ней люди, оказывается кларсах — старинная миниатюрная арфа. Девушка перебирает толстые металлические струны ногтями — единственный правильный способ игры. В самых правильных песнях всегда чувствуется боль.

Словно подшучивая над собой, она наигрывает древнюю мелодию «Я — бродячий менестрель», чтобы представиться и показать мастерство. Когда она поет о космических странниках, во фривольной мелодии слышится грозный перезвон Межзвездной Торговой Компании — издевка на минорный лад. Когда она поет о Разломе, ноты пусты и равнодушны, а звучание беспросветно мрачно. Когда поет о Старой Земле, в песне слышна неизбывная тоска. Когда она поет о любви — ах, все ее песни в итоге о любви, ибо мужчина способен любить многих и многое. Он может любить женщину или товарища, может любить свою работу или место, где живет, может любить хорошую выпивку или интересное путешествие. Он может и потеряться — в путешествии ли, в выпивке ли или же, особенно, в женских чарах, — а что такое любовь без утраты?

У женщин все иначе. Обычно они любят что-то одно, и потому женская любовь похожа на лазер, тогда как мужская — на

половодье. Вторая способна затопить тебя, а первая — прожечь насквозь. Есть кое-что, что арфистка любила и потеряла, и воспоминания об этом до сих пор болью отзываются в ее песнях, даже в радостных. Особенно в радостных.

В качестве коронного номера она исполняет «Тристама¹ и Изольду», самую жестокую песню о любви, и с возрастом неистовства мелодии сердца слушателей оказываются в ее власти. Когда она рвет струны в куплете о сражении, их сердца галопом мчатся в такт гремящим звукам. Когда делает мягкий перебор, описывая свидание, они томятся вместе с влюбленными в беседке. А когда ее пальцы резко берут аккорды измены, по слушателям прокатывается дрожь, и они исподтишка бросают взгляды на приятелей. Она играет с публикой. Музыка дает надежду на то, что именно в этот раз все закончится иначе, и оллам завершает мелодию под аккомпанемент рыдающей публики.

После представления бармен провожает ее в темный закуток, где перед стаканом для *вискбеаты*² сидит мужчина. Стакан уже пуст или еще не наполнен — зависит от того, как посмотреть. Он один из тех самых потерянных людей, и потерялся он в этом стакане. Потому и глядит в него, надеясь отыскать себя. Или хотя бы частичку того, кем он когда-то был.

Он — человек теней и обломков. У него запущенный вид. Его куртка полурасстегнута, а лицо скрыто в сумраке плохоосвещенной ниши. Это не более чем углубление в стене, а он своего рода святой и, подобно высеченному в камне мученику, остается неподвижным, когда оллам присаживается напротив.

Арфистка ничего не говорит. Она ждет.

Наконец из тени доносится его голос:

— Мы полагали, Тристама обольстили с помощью зелья. Мы полагали, он влюбился не по своей воле.

— Любовь не по *своей* воле — и не любовь вовсе, — отвечает арфистка. — Иначе в чем смысл слова «влюбиться»?

---

¹ Имеется в виду Тристан, или (по другим источникам) Тристам. В данном случае автор намеренным искажением, вероятно, хочет подчеркнуть, что на момент повествования имя героя уже давно кануло в Лету.

² *Вискбеата* (от *ирл.* uisce beatha) — виски. Дословно выражение переводится как «вода жизни».

— Твои глаза напоминают нам... — Но что именно, он не сказал. Возможно, забыл. Она могла бы быть одним из тех призрачных образов, которые встречаются на обочинах Электрической авеню, ползут по ним с медлительностью света, проявляясь из далекого прошлого.

Арфистка наклоняется к нему и говорит с непривычной пылкостью:

— Мне сказали, ты знаешь о Танцоре и знал тех, кто искал его.

Он усмехается в сумраке:

— Так я должен стать шаначи? Сказителем историй?

— Возможно, где-то в той истории есть одна песнь, и я хочу найти ее.

— Осторожнее с тем, что ищешь. Думаю, ты поешь слишком много песен. Кажется, ты поешь дольше, чем живешь. Все случилось так давно. Не ожидал, что кто-то это еще помнит.

— Истории множатся. Слухи растекаются, подобно талой воде по горным склонам.

Человек в тени какое-то время размышляет. Он снова смотрит в стакан, но если и хочет выпивки в качестве платы за историю, то не озвучивает свою цену, и арфистка продолжает ждать.

— Я могу лишь поведать так, как рассказывали нам, — говорит человек. — Я могу сплести для тебя историю, но кто знает, какие нити в ней подлинные?

Его пальцы лениво играют со стаканом; затем мужчина отодвигает его в сторону и упирается локтями в стол. Лицо незнакомца, наконец появившееся из затемненной ниши, сморщено, словно его высосали досуха и остались лишь кожа да череп. Вид болезненный, щеки запали. Подбородок изогнулся крючком под обвисшим ртом. Волосы совсем седые, и в некоторых местах на черепе, иссеченном шрамами, они уже не вырастут снова. Взгляд мужчины постоянно направлен в сторону, как будто где-то там таится нечто ужасное.

— Но какая теперь разница? — спрашивает он у призраков и теней. — Они все либо погибли, либо их следы затерялись. Кому навредят воспоминания?

Тени безмолвствуют. Пока.

Гянтрэй¹

ПЕСОК И МЕТАЛЛ

— **В**се началось на безымянной планете, — говорит человек со шрамами...

...У безымянного солнца, в безымянном районе вдали от Разлома. Дурное начало, ведь чего можно ждать от безымянных мест, кроме неприятностей? Дурное место для поломки, дурное место, чтобы там вообще появляться, — удаленное от торговых путей, на редко используемой обходной тропе Электрической авеню, известной как Паучий проулок. Но это было именно то место, куда занесло ветхий и разваливающийся на ходу бродячий грузолет. Когда терять уже нечего, можно много чего обрести, а тайные тропинки Периферии всегда богаты уловом.

---

¹ *Geantraí* — веселая, счастливая песня (ирл.). В Ирландии, где арфа получила огромное распространение и стала национальным символом, под аккомпанемент маленькой переносной арфы барды исполняли свои сказания. Выделялись три вида музыки, исполняемой на арфе — гянтрэй (веселая песня), голтрэй (плач, грустная песня) и сунтрэй (колыбельная) — в соответствии с тремя задачами арфиста: вызывать у слушателей смех, слезы или сон.

И по меньшей мере одно обстоятельство объединяет подобные медвежьи углы: сюда галактика прибывает всяческий хлам и старье.

Один из таких кусков хлама — независимое торговое судно «Нью-Анджелес», стартовавшее с Уродца и направлявшееся в Йеньйеньское скопление с грузом медикаментов и экзотического продовольствия для тех, кто не мог их производить самостоятельно. Старье же находилось здесь куда дольше. Насколько давно, не знал никто.

Имели место быть оговоренные в контракте сроки доставки, неустойка и эксплуатационная смета. Сюда же корабль попал по причине последней, принесенной в жертву первым. Что-то взорвалось, не важно, что именно, и «Нью-Анджелес» снесло в боковой канал и сублиминальную тину.

...И альфвены действительно не годятся для того, чтобы плестись на ньютоновских скоростях. Всего один резкий рывок сквозь космическую материю, чтобы соскользнуть со взлетной платформы Электрической авеню и не превратиться в выброс Черенкова, еще немного усилий для прохождения системы на параболической скорости — и после такого корабль, конечно, задымил и посыпал искрами. Здесь, у черта на куличках, его не могли остановить ни Космический Транспортный Контроль, ни магнитно-лучевые подушки, так что экстренное торможение заставило «Нью-Анджелес» напрячься до предела. Двойные альфвены орали, словно грешники в аду, пока судно наконец не вышло на спокойную ньютоновскую орбиту.

По милости физики, каждое ответвление Электрической авеню привязано к своему солнцу, но нет никакой гарантии, что к этому солнцу прилагаются планеты, по крайней мере полезные. Пока корабль сбрасывал скорость, нарезаая круги вокруг небесного тела, команда пристально изучала звездную систему, нервно высчитывая параллакс, пока... Вот! Планета! Резкое ускорение, чтобы выравнять траектории; и медленное, долгое ползание в ньютоновском пространстве, за время которого члены команды могли всласть наобвинять друг друга в случившемся.

Планеты подобного рода называют марсообразными: это был небольшой мирок с бескрайними песчаными равнинами и приземистыми серыми холмами, среди которых время от времени дули исключительно западные ветры. Здесь они были шквальными, но сам воздух оказался настолько разрежен, что от ярости бурь оставались лишь слабые отголоски. Приборы кружащегося вокруг планеты корабля обнаружили песок и железо, а при наличии кремния и тяжелых металлов человек мог починить практически все что угодно. Была сформирована десантная группа, ее оснастили экскаватором и молекулярным ситом и отправили вниз на шлюпке, в то время как инженеры и палубные офицеры, пребывая в нетерпении, остались ждать наверху.

Главный инженер Нагарай Хоган беззаботно коротал время за развлечением, основанным на законах вероятности, — к вящей радости своего помощника, который находил эти законы весьма гибкими.

Гораздо более обеспокоенным был капитан Амос Январь, который, словно в своего рода противоположность гребцу каное, проводил время не плывя по течению, а, наоборот, нагоняя волну перед собой. Он являлся точкой, в которой фокусировалось давление бюджета и графика, а затем перенаправлялось на команду — хоть последствия этого и казались чуть заметнее ветерка на планете внизу. Январь обладал внешностью самой что ни на есть обманчивой, поскольку был суровым человеком с мягкими чертами лица. Кто бы воспринял всерьез сказанное им? Губы слишком полные, щеки слишком пухлые, а морщинки от смеха слишком явные. Они неприкрыто контрастировали с резкостью, частой в его голосе.

Иногда наступает момент, когда фатализм побеждает логику и даже подминает сам здравый смысл, и команда «Нью-Анджелеса» достигла этой точки — возможно, достигла ее давным-давно. Они могли работать над починкой быстрее, но к чему спешка, если впереди ждет только новая поломка?

— Потому что корабль не уложится в срок поставки, — кипятился Январь.

Микмак Энн, его старший помощник, полагала, что раз жители Йеньяня были вынуждены выписать лекарства аж

с самого Уродца, то едва ли они станут возвращать груз из-за того, что получат его слегка несвежим.

Январь, доселе наблюдавший за корабельным обзорным экраном, обернулся к ней, и его ангелоподобное лицо вспыхнуло от гнева.

— Наземная группа сменила место раскопки!

Энн сверилась с местоположением добывающей группы.

— Двести двойных шагов к западу — юго-западу, — подтвердила она. Старший помощник не видела в этом проблемы, в отличие от капитана, который любил точность во всем. — Уверена, у них была причина...

— Они роют не в том месте! Денситометр массы показал, что руда ближе всего к поверхности вот тут! — Его палец уткнулся в проекцию карты на экране. — Больше толка, меньше работы.

— Меньше работы было бы, — напомнила она ему, — если бы требуемую деталь сняли с другой части корабля. Как советовал Хоган.

— Снять с корабля! Да, отличная идея! — воскликнул Январь, и на мгновение Энн почти поверила, что так оно и есть, — настолько радостным было его лицо. — И через какое-то время, — продолжал капитан, — глядишь, у нас и корабля-то для ремонта не останется.

Энн подумала, что в таком случае и ломаться будет нечему, но решила держать свои мысли при себе.

— Кто-то должен задать им взбучку, — не унимался Январь. — Хоган не может вечно резаться в карты.

Энн вздохнула и отвернулась.

— Ладно... сейчас я...

Но Январь остановил ее:

— Нет, останешься здесь, будешь следить за обстановкой. Слаггер доставит меня на планету в гичке.

Старший помощник, которая в этот момент уже поворачивалась к рации, а никак не к шлюпбалке, заколебалась. Похоже, Амос решил, что тут нужно личное вмешательство. Не лучшая затея. По радио его звонкий и резкий голос сполна мог передать всю важность дела. Но доставленный им лично — ни в жизнь.

Слаггер О’Тул посадил гичку возле шлюпки, и Январь выбрался из люка даже раньше, чем под ней успел остыть песок. Именно для таких планет кожкостюм подходил лучше всего. Воздух был разреженным и холодным, но интеллект костюма мог накапливать его в количестве, достаточном для дыхания. Респираторы мешали говорить, и из-за них голос приобретал писклявые нотки — не самый лучший вариант, учитывая обстоятельства.

Шагая по равнине, Январь отметил, что рабочая группа переместила экскаватор и сито на пологую гряду, граничившую с песчаным морем. Заметив приближение гички, все бросили работу, чтобы поглазеть на прибытие капитана. Еще одна соломинка на горб личного верблюда Января. Неужели они считают, что могут околачиваться тут вечно?

Экскаватор рыл в наносном слое чуть ниже трещины в массиве хребта. В кабине, полуобернувшись в кресле, ждала Мэгги Барнс. Двигатель лениво гудел на холостых оборотах. Время от времени инсоляторы немного поворачивались, следуя за движением местного солнца. Мэгги — она предпочитала, чтобы ее называли Мэгги Б., — была приземистой женщиной плотного телосложения с далеко не по-женски развитыми плечами. Ее кожкостюм был небесно-синим, но эта синева принадлежала иному небу из почти позабытого мира. Здесь же небо выглядело таким блеклым, что казалось почти белым.

Тираси, системотехник, высокий, сухопарый, со взглядом трупа, ждущего бирку, стоял у плавильни, скрестив руки. Молекулярное сито уже отсеяло требуемый кремний — работа с песком не доставляла больших проблем — и ждало теперь более тяжелых металлов. Иногда техник вносил незначительные изменения в настройки, словно боялся, что иначе что-то пойдет наперекосяк. Палубный матрос Мгурк ждал, опершись на воткнутую в песок лопату и положив подбородок на руки. Его тускло-красный кожкостюм почти сливался с окисленным песком, а капюшон был затянут так плотно, что из-под него виднелись только очки и дыхательная маска.

При виде бездельничающей команды Январь рассердился пуще прежнего и поприветствовал их визгом:

— Вы должны были копать вон там! — и указал на необъятную и безликую пустыню.

Мэгги Б. понятия не имела, зачем явился капитан. Энн ничего ей не сообщила, а «Нью-Анджелес» уже скрылся за горизонтом. Причин для появления Января могло быть множество, самая вероятная из них — Хоган наконец победил лень и нашел другой способ добыть металл, поэтому больше нет надобности держать группу на поверхности планеты. Новость о том, что она *копала не в том месте*, оказалась настолько неожиданной, что женщина едва не расхохоталась.

Это, должно быть, шутка, не так ли?

Нет, похоже, что нет. Она перешла к первой линии обороны.

— Там все зудит!

Зудит! Именно. Воздух был слишком разрежен, чтобы ветер, несущий песчаные облака, обладал большой силой, но из-за нескончаемого песочного града по кожкостюму чесалось все тело.

— Чесотка, значит, — протянул Январь, подозревая подвох.

— А тут от ветра нас закрывает утес.

— Но руда здесь залегает глубже!

Сейчас это могло означать только то, что работы прибавится, а также потребует время для возвращения на прежнюю позицию, чтобы начать все заново. А яма была уже наполовину вырыта.

— Нет никакой чертовой разницы, где копать! — огрызнулась Мэгги.

Почему-то никому даже в голову не пришло, что, если бы не было разницы, где копать, Мэгги не передвинула бы экскаватор. На самом деле разница была, и притом огромная. Но все прояснилось гораздо позднее. Сейчас же, по правде говоря, просто что-то подсказало Мэгги, что нужно переместиться.

— Не трать мое время, капитан, — отрезала женщина и, словно чтобы придать вес сказанному, опустила ковш экскаватора.

Новое погружение — и зубья ковша издали характерный, почти музыкальный скрежет, от которого заныли зубы. Даже Мгурк встрепенулся, задрал подбородок, и уставился в яму. Под слоем песка виднелось что-то тусклое и металлическое.

— Вот и руда, — с тихим удовлетворением произнесла Мэгги и одарила Января победным взглядом.

— Должно быть, метеорит, — предположил Тираси. Но Январь сразу понял, что это не так. Слишком близко к поверхности. И где кратер от столкновения?

— Какая разница? — пожала плечами Мэгги и снова занесла ковш. И вновь тот же звук. Мгурк склонил голову набок, прислушиваясь.

— Оно гладкое, — отметил Январь, когда удалось различить проступившую поверхность.

— Это чертов *механизм*, — предположил Тираси, который к тому времени уже отошел от плавильни и стоял на коленях у края ямы. Мэгги Барнс спрыгнула с экскаватора и подошла к нему.

— Чепуха! — отрезал Январь. — Реки могут запросто источить так камень.

Тираси сделал широкий жест рукой.

— Ты где-то тут видишь реки? — спросил он. — Здесь вода не течет уже миллионы лет. Не, эта штука точно искусственная.

Системотехник снял с пояса для инструментов плоскогубцы и постучал ими по предмету. Тот зазвенел глухо и пусто, а эхо было слышно дольше, чем следовало.

— Джонни! — взвизгнул Январь. — Неси лопату и разрой его немного. Джонни? Джонни! — Он огляделся, но Мгурка нигде не было видно. — Куда делся этот лодырь?

Справедливый вопрос, учитывая, что на много лиг вокруг не было ничего, кроме пустыни. Джонни питал настоящее отвращение к труду и проявлял поразительную изобретательность в способах отлынивания от него; но где он мог спрятаться в радиусе нескольких миль?

Январь настроил общий канал на своей рации.

— Джонни, тащи сюда свою ленивую задницу и помоги копать!

В ответ он услышал статический шум — всплеск помех, отдаленно похожих на голос. Казалось, еще немного — и будут различимы слова.

С гички ответил О'Тул. Внезапное возбуждение группы на месте раскопок привлекло его внимание.

— Джонни сейчас идет к 'рещине, — сказал он им. — Что там у вас?

Ответила Мэгги Барнс:

— Мы нашли артефакт предтеч!

А чем еще он мог быть — механический предмет, погребенный под песком в забытом мире? Творения человека удивительно разнообразны и не являются редкостью, но, как правило, возле них можно найти и самих людей. Здесь же не было никого.

— Цыплят по осени считают, — проворчал Январь. И вот сейчас его облик Санта-Клауса в кои-то веки не вводил в заблуждение. Здесь могли таиться несметные богатства, и он это понимал не хуже остальных. Тем не менее осторожность заставляла его добавить: — Не всякий артефакт предтеч...

Но он уже говорил только с ветром. О'Тул спускался по лесенке гички, а Тираси спрыгнул в яму, чтобы смести песок с погребенного предмета.

— Большой, — бормотал системотехник. — Какой большой.

«Слишком большой, — подумал Январь, — судя по раскопанной части. Шлюпки не поднимут его, даже если будут тянуть сообща».

— Не всякий артефакт предтеч, — снова начал Январь, — приносил деньги своим открывателям. Дом Чань очень долго владел Уроборосом, но так и не сумел заставить его заработать. После смерти Чаня Мирслафа его продали как экзотическую диковинку за половину тех средств, которые потратили на исследования.

— Эй! — воскликнул Тираси. — Эта штука прозрачная!

— А Скальный Калейдоскоп на Алабастере вообще находится посреди открытой равнины, видимый за многие лиги, так что Планетарный Совет даже не может его оградить и взимать плату за посещение. — Январь вздохнул и скрестил руки на груди.

— Что ж, кэп, — протянула Мэгги Б., показав тем самым, что все же его кто-то слушал, — мы этого не узнаем, пока не пойдем, что это такое, верно?

Спустившийся с гички О'Тул обошел яму, присвистывая и время от времени удивленно восклицая. Этот крупный, широкоплечий мужчина с толстыми крепкими пальцами передвигался неожиданно ловко и грациозно, даже после того — особенно после того — как успел опрокинуть пару-тройку кружек пива.

— Так что не стоит радоваться, прежде чем выясним, что это такое, — сказал Январь. — Сколько артефактов предтеч на поверку оказались пустыми залами или остовами зданий?

— На Меграноме есть целый город, — припомнила Мэгги. — И похоже, его создали как единую структуру, без какого-либо шва или стыка. В детстве мы лазили там и играли в руинах, воображая, что предтечи еще в городе, прячутся за каждым углом. — Она рассмеялась, а затем резко, встревоженно обернулась и обвела взглядом пустыню. — Интересно, куда они делись? Я о предтечах.

Январь пожал плечами:

— Какое нам дело? Это неважно.

— Мы звали их «народом песка и металла». Никто не знает почему. Так что причина, по которой нас сюда за'сло, немного странная, не находишь?

— Чушь! — отмахнулся Январь. — Они сгнули задолго до того, как люди впервые вышли в космос.

О'Тул закончил обход ямы и вернулся к ним.

— Не верь этому, кэп, — сказал он. — Ходят истории. На Ди Больде, в Мире Фрисинга и особо на Старом Сакене. Черт, да в половине м'ров есть истории о пре'течах.

Мэгги Б. закивала:

— Кой-какие старые легенды уже такие старые, что их и забыли-то почти.

Январь фыркнул:

— Мифы, ты хотела сказать. Легенды, басни. Слыхивал я их. Если хотя бы две из этих легенд описывали одних и тех же существ, если бы две такие истории хотя бы логически увязывались между собой — то они стали бы первыми в своем роде. Мы не знаем, где обитали предтечи и как давно. Мы не знаем, правили ли они этим сектором галактики или просто скитались по нему. Вероятно, на каждый случай найдется своя байка.

— Люди не могут примириться с необъяснимым, поэтому рассказывают истории и слагают песни. Реально же находили только артефакты. Живьем предтеч никто не видел.

— Может, они даже не форма жизни в обычном понимании, — предположила Мэгги Б. — Может, они были фторопластовой формой жизни, или кремниевой, или вообще чем-то, что мы даже представить себе не можем.

— Кремниевой, да? — повторил О’Тул. — Даже не слышал о такой. А может, они и не проп’дали ник’да. Может, они пр’сто рассыпались, и... — он обвел рукой безбрежную пустыню, — и эт’ все, что от них осталось.

Усиливающийся ветер кружил песок, поднимая и закручивая песчинки, отчего казалось, что они танцуют.

— А может, — отозвался из ямы Тираси, — ты спрыгнешь сюда, Слаг, и поможешь мне откопать эту чертову штуку!

Тираси всегда знал, чем задеть О’Тула, — и ему это удавалось, среди прочего, путем сокращения его прозвища. Они были полными противоположностями внешне, но близкими по духу и тем самым отталкивали друг друга, подобно испуганно отшатнувшемуся человеку, узревшему себя в кривом зеркале. Временами они спорили, чье прозвище круче — Слаггер или Бойцовый Билл, и вопрос до сих пор оставался неразрешенным. Слаггер был настоящим бугаем, а Бойцовый Билл — вертким ужом. Пилот спрыгнул к системотехнику, и они вместе принялись вручную откапывать артефакт.

Январь покачал головой.

— У Мгурка есть лопата. И куда он запропастился? Мэгги, копни еще вокруг этой штуки. Узнай, насколько она большая, и, может, ты все же отыщешь руду.

Последние слова были сказаны с сарказмом, чтобы напомнить группе о том, зачем вообще они высадились на этой захолустной планете. Артефакт никуда отсюда не денется, а если они не проведут ремонт, то и «Нью-Анджелес» тоже.

Мэгги отъехала чуть назад и принялась искать край артефакта. Ковш опустился слишком резко и ударил по погребенному под песком предмету. Он зазвенел, словно огромный медный колокол, немного приглушенно, но достаточно громко, чтобы мужчины в яме зажали уши. Январь, высматривавший

тускло-красный кожкостюм Мгурка, заметил, как вибрирует и осыпается песок в полулиге от них — именно там, где детектор массы выявил «рудное скопление», ближе всего залегавшее к поверхности.

Внезапно Январю подумалось, что этот артефакт представляет собой цельный город, погребенный под песком и охватывающий всю планету, и что Тираси с О'Тулом будут откапывать его вечно, сметая песок дюйм за дюймом.

— Нужно отыскать Джонни, — неуверенно произнес он, а затем быстро умолк, поскольку из-под песка донеслось три гулких, лязгающих удара.

Тираси и О'Тул вздрогнули и начали спешно вылезать из ямы. Мэгги изобразила на груди символ колеса и прошептала: «Сохрани нас Буд!» Через пару секунд лязг повторился.

— Ты врубил его, — сказал О'Тул системотехнику.

— Или ты, — ответил Тираси.

Он принялся торопливо сметать с предмета песок, расчищая пространство. Затем, прикрывая глаза ладонями, Тираси прижался лицом к прозрачной поверхности.

— Я что-то вижу. Там силуэты или тени. Неровные, уродливые. Не могу разобрать... А-а-а! — Он в панике отполз назад. — Одна пошевелилась! Это они! Вот куда они делись! Спаси меня святой Альфвен! — Тираси стал карабкаться из ямы, но О'Тул схватил его за руку.

— Насчет «уродливого» ты не ошибся, — сказал он, указывая пальцем вниз.

И там, изнутри прижимаясь лицом к поверхности, был Джонни Мгурк, колотивший лопатой по стенке.

Конечно, вход скрывался в тени расщелины южного разлома — сгусток мглы в темноте.

К тому времени «Нью-Анджелес» уже снова появился над горизонтом, и Январь рассказал Микмак Энн о находке. Капитан предупредил помощника, чтобы она ничего не говорила Хогану и Мэлоуну, дабы те, привлеченные шансом легкой наживы, не покинули корабль и не спустились на планету в плашкоуте.

Январь считал, что хотя бы одному из команды следовало остаться для охраны входа. Просто на всякий случай. На случай чего именно, он и сам не мог толком сказать, что ничуть не поспособствовало повиновению группы. Они сочли, что капитан хочет лишить их законной доли сокровищ, которые в их воображении уже успели достигнуть поистине Мидасовых размеров. Окончательно все разрешилось, когда у входа появился Мгурк.

— Ей, все, пошли-пошли, вы, — сказал он на своем отвратительном терранском жаргоне. — Гилди, сахбы. Спускайте корабли, сюда. Мы богаты, все.

И все поспешили за ним.

Январь вошел внутрь последним, шаги остальных уже успели стихнуть вдалеке, когда он достиг того места, где пещера превращалась в туннель с гладким полом. Он миновал огромный белый участок стены высотой в три человеческих роста и шириной в две вытянутые руки. Январь едва придал значение столь любопытным размерам, прежде чем его, словно молнией, оглушила мысль, что на самом деле это край выдвижной двери, скрытой в толще скалы. Да, с другой стороны прохода виднелся точно такой же паз. Дверь могла целиком перекрыть вход. Январь был впечатлен. Цельная, прочная дверь.

И к тому же из податливой пастилы.

Нет, не из пастилы, решил он, ради эксперимента надавив на нее, но из какого-то очень упругого материала. Январь нажал, и дверь прогнулась. Он убрал руку, и дверь восстановила свою форму. Эластичная деформация. Капитан надавил изо всех сил, и рука погрузилась по локоть. Дверь поддастся резаку или буру таким же образом, догадался он. Прямо материал «джиу-джитсу»: сильный в податливости.

Стоило Январю прекратить нажим, как дверь выгнулась обратно, вытолкнув руку с той же силой, которую он приложил, и едва не вывихнув ему плечо. «Действительно, материал „джиу-джитсу“, — подумал капитан, потирая предплечье. — Резаками, бурами, лазерами и взрывчаткой лучше здесь не пользоваться. Дверь поглотит всю энергию, а затем вернет ее». Конечно, его терзало любопытство, но не до такой же степени.

Наверняка то, для чего была необходима подобная защита, обладало огромной ценностью. Амос потер руки в предвкушении богатств, ждущих его внизу.

И все же кое-что не давало Январю покоя. Столь надежная дверь предназначалась для того, чтобы не впустить даже самого настырного исследователя. Капитан представить себе не мог, как тщедушному Джонни Мгурку удалось отодвинуть ее в сторону. Может, замок попросту сломался за минувшие зоны, а систему создали так, чтобы в случае неисправности она открылась автоматически.

Но зачем непреодолимой преграде система аварийного отключения?

Капитан продолжил спускаться, и вскоре грубый камень стен сменился гладкой светлой керамикой. Стены пронизывали тонкие бледно-желтые прожилки, но были они декоративными или служили какой-то цели, он сказать не мог. Здесь вычурно волнистые, там резко угловатые, они могли сочетать в себе функции украшения и чего-то еще либо не были ни тем ни другим. Но если они призваны украшать, подумалось ему, то, должно быть, глаза предтеч куда лучше различали цвета, нежели человеческие.

Или у них были плохие дизайнеры.

Коридор вился по спирали, и некая причуда здешней геометрии напрочь отсекала голоса команды. На радиочастотах царило молчание, шипение статики усиливалось и слабело через неравные промежутки времени, словно змея, пытавшаяся заговорить. Сухой воздух, непрерывный песчаный ветер... планета походила на громадный шарообразный сгусток статической энергии.

Наконец он достиг помещения, которое откопал экскаватор. Сквозь прозрачный потолок лились тусклые лучи солнца. Это был овальный зал серо-зеленого цвета, украшенный волнистыми линиями более темного оттенка. Казалось, стены застыли в бесконечном вращении. Был ли подобный эффект предназначен для красоты, задумался Январь, или для того, чтобы сбить людей с толку? Но уж если технологии предтеч оставались неизученными, то их эстетические предпочтения были абсолютно непостижимы.

По всему пространству помещения на разном расстоянии друг от друга из пола бесшовно поднимались одиннадцать пьедесталов. Все они, кроме одного, были невероятно тонкими, и все, кроме четырех, пустовали. В отдельном зале, вход в который напоминал распустившиеся лепестки прекрасного белого лотоса, изящной выпуклой дугой изгибался двенадцатый пьедестал, также пустой. И посреди всей этой невидали, обмениваясь радостными возгласами, стояла его команда.

В дальнем конце зала, сбоку от вершины овала, зияла полуоткрытая пористая дверь. Сквозь этот проем Январь разглядел уходящий в темноту длинный тусклый коридор.

— Сам попробуй поднять эту чертову штуку, раз считаешь себя таким сильным! — привлек внимание Января вызов Билла Тираси, брошенный О’Тулу. Четверо членов команды стояли перед первым пьедесталом, на котором балансировало угольно-черное яйцо размером с кулак.

Яйцо казалось стеклянным, но тусклым, и свет не мог проникнуть в него — предмет был гораздо плотнее, чем позволяли предположить его размеры. Внутри поблескивали мириады крошечных точек. Словно свет, стараясь пронзить бездонную черноту, просто сдался и разбился на фотоны.

О’Тул особо не раздумывал. Усмехнувшись, он взялся за яйцо и попытался его поднять. Мышцы великана напряглись, глаза полезли из орбит. Яйцо даже не сдвинулось с места. Он хмыкнул, ухватился двумя руками, но артефакт все равно остался неподвижным.

Хоть баланс и был настолько хрупким, что казалось, оно вот-вот покатится, этого не произошло. Попытки потянуть, а затем и толкнуть яйцо также не увенчались успехом.

Тираси нахмурился.

— Тяжелее, чем кажется, да, приятель?

Злость О’Тула только усилилась.

— Его точно привинтили к черт’вой подставке.

— Спорю на твой годовой оклад, — сказал Тираси, — что эта штука из нейтрония. Сжатая материя... — Он вздохнул. — Только представь, сколько на *этом* можно заработать! Любой, кто разгадает ее секрет, сказочно обогатится!

— Тогда ему придется поселиться тут, — произнес Январь, и остальные встрепенулись, не заметив, как он вошел. — Во всей Периферии не сыскать корабля, который поднимет яйцо из нейтрония.

— Яйцо большое-большое, — сказал Мгурк.

— Не-а, — передразнил его О'Тул. — Яйцо маленькое-маленькое.

— Это яйцо, полное галактик, — ответил Мгурк. — Да-да.

— Ладно, — сдался О'Тул. Но Тираси нахмурился и, поскольку он был техническим специалистом и всегда имел при себе целый арсенал разнообразных удивительных инструментов, достал увеличитель и принялся с его помощью изучать яйцо.

— Черт меня подери! — спустя пару секунд отозвался он. — Эти светящиеся точки состоят из миллионов совсем крохотных огоньков. — Он увеличил разрешение прибора. — Они размером с молекулу и объединены в спирали и скопления, похожие на галактики. У тебя отличное зрение, Джонни.

Мэгги Б. одолжила увеличитель и взглянула на яйцо.

— Верно, народ. Наверное, эти предтечи были глазастыми, как Джонни, раз они могли любоваться чем-то, что так сложно разглядеть.

— Если у них вообще были глаза, — заметил Тираси. — Может, они наслаждались этим другими органами?

Мэгги Б. почесала затылок.

— Итак, что это такое? Музей, галерея искусств?

С самыми прочными дверьми со времен сотворения мира? Январь предположил, что это место — не галерея, а скорее хранилище, в котором сберегались бесценные сокровища. Самые значимые реликвии империи предтеч? Конечно, если у предтеч были империи, или богатства, или реликвии. Всего четыре предмета, один из которых слишком тяжел, чтобы его забрать. Но строение уходило вглубь, в море песка, и могло уводить в самые недра планеты. Где-то внутри комплекса их могли ждать неисчислимые сокровища.

И у них могла уйти вся жизнь на их поиски.

Январь повернулся к ближайшему пьедесталу и оглядел то, что на первый взгляд казалось покоящимся на ребре блекло-

красным бруском высотой с расстояние от кисти руки до локтя и шириной в ладонь. В список многочисленных предметов, которые могли считаться на этой планете диковиной, песчаник, по мнению Января, не входил. В отличие от Полуночного Яйца — так они окрестили первый артефакт — эта штука походила на обычную каменную пластину с немного скошенными, на человеческий взгляд, пропорциями. Но с другой стороны, что делало одно сочетание высоты, длины и ширины приятным глазу, а другое нет? Предтечи могли воспринимать этот объект с иной точки зрения и считать его самым прекрасным предметом из всех. Капитан дотронулся до камня. Удивительно, но поверхность, которая на первый взгляд казалась шершавой и грубой, оказалась гладкой и холодной.

— А может, — предложил О’Тул, — раз нам не поднять черт’ву штуку, просто отколем от нее кусок? Даже скол сделает нас бог’чами.

— Ей, — отозвался Мгурк. — Ты-друг, не ломать его. Не алмазы, это. — Терранин поднял левую руку к лицу и трижды помахал ею из стороны в сторону. Жест этот, как знала вся команда, означал крайнее негодование.

О’Тул сжал кулаки.

— Ост’новишь меня, Джонни? Ты и какая-то там Управляющая Компания?

— Джонни, — вмешалась Мэгги Б., — если это не алмазы, тогда что?

О’Тул закатил глаза. Как будто терранин мог знать!

— Галактики, — ответил матрос. — Вся Вселенная в шаре. История, в детстве рассказать в Закутке Абалона. Король Каменная Стена хотел все-все галактики, *гилди*. Так что его бхисти ученые-валлахи сжать Вселенную маленькой-маленькой. Каменная Стена боялся ее тронуть. А если разбить, Вселенной конец. — Мгурк ткнул пальцем в О’Тула. — Ты отколоти, ты разбить небо. Большая беда. — И с этими словами он закрыл голову рукой.

— А-а-ах! Эти черт’вы байки яйца выеденного не стоят. — О’Тула совсем не впечатлила история о вымышленном короле предтеч. Впрочем, от пьедестала он отошел.

Январь удивленно приподнял бровь.

— Целая Вселенная в крошечном шаре? Неудивительно, что он такой тяжелый.

Тираси фыркнул.

— Как же! Он слишком *легкий*, чтобы вместить Вселенную. Понятия не имею, какие истории ходят в Терранском Квартале на Абалоне, Джонни, но это бред.

Мгурк пожал плечами:

— Пукка-рассказ. Шар, как в истории.

Мэгги Б. поджала губы:

— Как может Вселенная находиться в шаре, который сам находится во Вселенной? Это как найти «Нью-Анджелес» в трюме «Нью-Анджелеса»! Это невозможно... — Она заколебалась, пытаясь подыскать подходящее слово, чтобы выразить всю глубину своего «невозможно». — Это невозможно *топологически!*

О’Тула передернуло от отвращения.

— Я думал, мы пришли за кладом, а не обс’ждать сказки и черт’ву фил’софию. П’шли, Билл, нужно проверить еще три штуковины.

Тираси бросил последний взгляд на Полуночное Яйцо, полюбовался светившимися в глубине огоньками и спрятал увеличитель.

— Если мы не можем его забрать, то уже неважно, что это такое, — сказал он, будто оправдываясь, и последовал за пилотом к следующему пьедесталу. Мгурк пробормотал что-то о лисах и винограде, но что именно — Январь не уловил.

Капитан собирался последовать за остальными, когда заметил, что брусок из песчаника свернулся в полуспираль. Охваченный любопытством, Амос поднял его с пьедестала — камень оказался легким и приятным на ощупь — и попытался распрямить. Но брусок был твердым как скала и не поддавался. И все же он незаметно изменил форму, словно танцор, повернувший торс, не двигая при этом ногами.

Чем бы ни был этот брусок, он больше не двигался. Капитан усилил чувствительность сенсоров кожкостюма, но они не выявили признаков движения в штуковине. Январь почувствовал облегчение от того, что камень не пытается извиваться у него в руке.

Следующий артефакт после недолгого обсуждения они нарекли Скользун. Он выглядел как кусок синего коралла с неровными отростками и углублениями. Размером он был с человеческую голову. Подобно Полуночному Яйцу, Скользун будто бесконечно расширялся: каждый отросток, каждое углубление при увеличении выявляло новые отростки и углубления.

— Фрактал, — одним словом описала его Мэгги Б. Поскольку она была на корабле астрогатором, а Электрическая авеню представляла собой фрактальную сеть, ей поверили на слово.

Этот артефакт им тоже не удалось сдвинуть. Но не из-за веса, а потому что на него не действовала сила трения. Им не удалось схватить фрактал ни руками, ни клещами даже после того, как его присыпали песком, который они занесли в зал вместе с собой. Как могло нечто настолько неровное быть таким скользким?

— Чушь какая-то! — пожаловался Тираси. — Если трение на него не воздействует, то как он удерживается на пьедестале?

Мэгги Б. пожала плечами.

— Точно так же, как на соседнем пьедестале стоит целая Вселенная.

«Розыгрыш, — подумал Январь, с растущим раздражением наблюдая за их потугами. — Разве они забыли, что им еще корабль отремонтировать?» Скользун мог на поверку оказаться розыгрышем точно так же, как и Полуночное Яйцо. Яйцо было крошечным, но при этом огромным. Фрактал — неровным, но гладким. Являлось ли это место хранилищем розыгрышей предтеч? Подборкой подушек-пердушек и наручных жужжалок?

Даже двери здесь были удивительные: мягкие и податливые — и при этом абсолютно несокрушимые.

Ни Мэгги Б., ни Джонни не могли припомнить ни одной легенды о предтечах, где упоминалось бы что-либо похожее на Скользуна; а остальные члены группы родились в мирах, где таких легенд и вовсе не было или, по крайней мере, о них не говорили вслух.

— Да какого черта! — выругался Тираси, наконец признав свое поражение в попытках ухватить Скользун. — Какой смысл

в сокровище, — он переждал всплеск статического шума на радиочастоте, — если даже прибрать его не можешь?

Ответом ему стал болезненный вскрик О’Тула, который, держась за правую руку, отскочил от третьего артефакта.

— Сукинсын! — заорал он. — Сукинсын, сукинсын, сукинсын!

— Тебя и с первого раза было слышно, — засмеялся Тираси и потянулся к золотистому предмету, покоящемуся на белоснежном пьедестале. — Но это мы и раньше о тебе знали... Ах ты, чертов сын чертовой суки! — Пришла очередь Тираси, пританцовывая, баюкать руку.

Мгурк насупился.

— Эй, эта штука — Будмаш-Лотах.

Мэгги Б. поджала губы.

— Я бы к нему не прикасалась, кэп.

Январь наклонился поближе, чтобы изучить артефакт. Тот имел форму диска, разделяющего сплюсненную сферу. Сатурноид — вот как его можно было описать одним словом. Многие газовые гиганты были сатурноидами, и некоторые из них обладали довольно внушительными кольцами. Январь задался вопросом, мог ли предмет оказаться сжатым газовым гигантом. По крайней мере, он не будет таким же тяжелым, как Полночное Яйцо...

Был ли этот артефакт в действительности сделан из металла или нет, но его поверхность выглядела холодной и металлической и была гладкой, блестящей и золотой. Казалось, он светился изнутри, и в нем перекачивались желтые, красные и оранжевые волны.

— Похоже на пламя, — заметил Январь. — Он обжег вас? — спросил капитан у мужчин, но очередная вспышка статики исказила его слова. — Он обжег вас? — повторил Амос снова, когда шум утих.

О’Тул первым пришел в себя:

— Словно миллионом свечей опалило руку.

Тираси достал из сумки пирометр и передал его Мэгги Б., которая приступила к изучению поверхности объекта.

— Температура окружающей среды, — объявила астрогатор. Значит, предмет был скорее холодным, чем горячим.

— Он будто бы пылает изнутри, — начал размышлять вслух Январь. Но этот огонь — всего лишь химическая реакция. Для того чтобы гореть вечно, ему требовалось бы постоянно поглощать материю. Конечно, если только эта «чаша» — не остов изначального артефакта. Внутри, разноцветно переливаясь, происходили химические реакции, и огненные всполохи могли быть следствием этих реакций. Но артефакты, возможно, находились здесь невероятно долго; почему реакции до сих пор не угасли?

Его назвали Будмаш-Лотахом, что, по словам Джонни, на терранском диалекте означало: «злокозненная медная чаша».

Январь сдался. Он не понимал природы этих предметов. Амосу в жизни не встречалось ничего такого, с чем их можно было сравнить. Каждый артефакт был по-своему прекрасен, но объединяло их только то, что ни один из них нельзя было передвинуть.

«Вот почему остальные пьедесталы пусты», — вдруг понял капитан. Что бы здесь раньше ни находилось, это наверняка забрали. Но когда? И кто? Оставив... что именно? Коллекцию... недвижимости? Земля, вода, огонь...

Январю стало интересно: что за непреодолимая сила их удерживала?

— Эй, — позвал всех Мгурк, — идите-идите, смотрите-взгляните.

Терранин стоял возле пустого пьедестала и медленно водил над ним рукой.

— Что еще? — недовольно спросил Тираси после того, как они с О'Тулом подошли ближе.

Мэгги Б. обернулась к капитану, который продолжал стоять как вкопанный.

— В чем дело? — поинтересовалась она.

Январь переждал рычание статики.

— Чего-то недостает.

— Святой Альфвен! — воскликнул Тираси, и О'Тул повернулся к капитану. — Это же чертов призрак!

— Нужно смотреть под определенным углом, — пояснил Тираси, когда к ним присоединились Мэгги и капитан. — Джонни, отойди. Свет должен... вот, видите?

Январь сосредоточенно кивнул. Он разглядел клубящиеся на коричнево-красном фоне желтоватые облака, словно кто-то вырезал кусок оранжевого неба глубиной во много лиг и поместил на пьедестал.

— Это цельнограмма, — догадался он.

— Да? — брезгливо поморщился Тираси, разглядывая показания своего индикатора. — Проецируемый образ с *собственной массой*? — Он показал Январю результат. — И с температурой, и... — сунув руку в изображение, — с текстурой. Холодный, гладкий, но я чувствую, что внутри пусто.

— Ты чувствуешь, — уточнила Мэгги Б., — но не можешь дотронуться.

Тираси кивнул.

— Словно стараюсь ухватить дым.

— И п'чему я ни черта не удивлен? — бросил О'Тул. Ответом ему была очередная вспышка статики.

Вход во второй зал находился рядом с пьедесталом, и Январь лениво потрогал один из мягких пористых листов, опоясывающих проем. Похоже, он был из того же материала, что и дверь в хранилище.

И только тогда Тираси и О'Тул заметили в руке капитана брусок песчаника.

— Вот так-так, — протянул О'Тул, бросив на него сердитый взгляд. — И ты собираешься лишить нас доли за единственный трофей, который мы можем отсюда вынести?

Январь удивленно посмотрел на свою руку. Брусок так удобно лежал в ладони, что он уже и забыл, что держит его. Камень теперь стал толще на углах и слегка изогнулся дугой — а Амос не ощутил ни малейшего движения.

Поразительная штукавина. Поразительная не только в сравнении с красотой других предметов, но также в сравнении с их неподвижностью. Кукушка в гнезде. И почему ее не забрали, когда расхищали хранилище?

Тираси пихнул пилота в бок:

— Жадный козел! Пошли, Слаг, осмотрим другие залы. Может, в следующем что-нибудь отыщем.

Внезапно Января осенило. Эти мясистые «листья» были не просто декоративными лепестками вокруг входа во второй зал, а остатками еще одной двери из «пастилы».

Что-то пронзило дверь, и ее ошметки загнулись наружу, подобно кускам нарезанного пирога. Судя по расположению лепестков, дверь прорвали *изнутри*. А в том зале не было ничего, кроме пустого пьедестала.

— Погодите! — крикнул он, и, к его удивлению, мужчины остановились и выжидающе обернулись. Января снова посмотрел на разорванную дверь. Что же покоилось на пьедестале, отгороженном от остальных артефактов? Непреодолимая сила? Как долго дверь сдерживала ее? Тысячелетия? Вечность? Но в конечном итоге она не выдержала. Где эта сила сейчас? Она не могла покинуть планету, это точно. Нет, она должна быть где-то в этом мире.

Ждет попутного корабля.

— Ты совершенно прав, Билл, — сказал он. — Где-то в комплексе могут храниться другие реликвии, но все, что мы знаем, что туннель... — Амос указал на полуоткрытую дверь в конце зала, то ли замороженный темнотой прохода, то ли в ожидании, что оттуда хлынет *нечто непреодолимое*. — Но все, что мы знаем: что он ведет лишь к тупику глубоко внутри планеты. Почему-то это кажется естественным. Но нам следует немедленно выбираться с планеты.

О’Тул почесал за ухом и бросил боязливый взгляд на коридор.

— Точн’, кэп, — сказал он. — Но я не хочу ух’дить отсюда с *пустыми* руками.

Отсутствие возражений крайне удивило Января.

— Что-то происходит, — произнес он. — Слышите статические помехи на комм-каналах? Они становятся сильнее. Ближится шторм, притом мощный. Смотрите. — Ему отчаянно хотелось, чтобы они поняли. — Нам не вынести отсюда все, но мы и так сможем подзаработать. Подумайте, сколько нам отвалят за то, чтобы поглазеть на это. Людям придется проходить через туннель, так что мы сможем взимать плату. Но... — и тут голос

капитана стал тише, настойчивее, — мы должны уходить *немедленно*. У нас нет припасов, мы не можем остаться и разведать весь комплекс. Нужно застолбить планету, чтобы позже вернуться и сделать все, как полагается.

Мэгги Б. в задумчивости поджала губы.

— Как думаешь, кто нам позволит ее застолбить?

Январь сделал глубокий вдох.

— Межзвездная Торговая Компания... — Он сделал паузу, ожидая бурю негодования, но затем, когда таковой не последовало, затараторил: — МТК — чертова стая шакалов, а корабли вроде нашего лишь подбирают за ней объедки, но мы можем заключить с ними сделку. Если мы объявим, что собираемся провести сейсмические исследования, составить карту комплекса, упорядоченно обследовать сектор за сектором и документально зафиксировать находки, нам понадобится куда больше денег, чем несчастный «Анджелес» заработает за всю нашу жизнь.

На секунду в комнате воцарилось молчание. Первой заговорила Мэгги Б.:

— Ладно. До Йеньйеня у нас будет время, чтобы подумать, как защитить свои права.

Тираси кивнул.

— И мы сможем показать им эту штуку, — он указал на брусок из песчаника, уже успевший в руке Января принять форму буквы S, — и видеозаписи, которые мы тут сделаем.

— Но если мы п'кажем им этот камень, — предупредил О'Тул, — нужно быть чертовски 'сторожными, иначе они отнимут его. Им хватит даже одн'го этого камня.

Такое единодушное согласие оказалось для Января столь неожиданным, что он помолчал еще секунду, ожидая возражений. Затем Джонни Мгурк воскликнул:

— Чоп и чель, сахбы. Пошли, гилди. Хатт, хатт! Большой дхик! — И проворный коротышка повел их обратно в туннель.

Январь думал, что главная дверь уже закрылась и они оказались внутри в плену, но она все еще находилась в пазу. Все пятеро, щурясь от света, высыпали из разлома и обнаружили, что начало темнеть.

Сквозь усиливающийся шум статики капитан услышал голос Энн Микмак:

— ... ответь! ...орит «Анджелес»... Ян...! О...ть, Амо...!

Январь щелкнул по передатчику.

— Улучшить качество, — трижды повторил он. Интеллект корабля мог создать разборчивое предложение, соединив фрагменты, исказившиеся из-за статических помех.

— Амос! — произнес воссозданный голос Энн. — К вам приближается сильный шторм. Он возник к востоку от вас, и с тех пор мы отслеживаем его... Там молнии. Много молний. Много *больших* молний. Никогда не видела подобного. Он движется напрямиком на вас. Амос, выбирайтесь оттуда немедленно!

Они уже добрались до места раскопок. Мэгги Б. принялась было заводить экскаватор, но Январь остановил ее.

— Оставь его! — крикнул он. — Ты слышала Энн. При таком давлении ветер не будет сильным, но песок может забить дыхательные маски. И молнии...

Теперь он его слышал. Гром, подобный грохоту копыт. Следом за ним — равномерный бой литавр, глубинный рокот, похожий на тяжелую поступь великана. С востока надвигались черные пылевые облака, и в них, будто фейерверки, полыхали молнии. Тучи словно кипели, катясь прямо на них. Джонни припустил к шлюпке.

— Шторм-шикар! — завопил он. — Хатт, хатт!

— Закрой хлеборезку, дурень терранский! — крикнул О'Тул, пронесшись мимо Мгурка к гичке. Тираси отстал, отказываясь выбрасывать молекулярное сито.

— Брось его, — приказал Январь. — Брось и беги к шлюпке.

Системотехник кинул свое драгоценное устройство на песок и рванул вперед. Когда О'Тул и Январь добрались до гички, Мэгги уже разогрела двигатели шлюпки. О'Тул ухватился за люк и забрался внутрь. Январь остановился у подножья лестницы и оглянулся. Тираси и Мгурк как раз задраивали шлюпку. Он кивнул и быстро залез в гичку.

— Подумаем о траектории потом, — сказал он О'Тулу, упав в кресло второго пилота. — Взлетай! Быстро!

Так Слаггер и сделал.

Оба челнока достигли стратосферы, едва успев обогнать надвигавшийся грозовой фронт. Под ними сверкали молнии. Но часть бури все же прорвалась сквозь тропопаузу¹ — для остального мира мрачные грозовые тучи казались клубящимися дымовыми гигантами. Громадная облачная стрела рванула вверх, в космос.

О’Тул выругался.

— Выше, Слаггер, — взмолился Январь. — Выше и быстрее. Пусть даже кончится топливо. Если придется, Энн подберет нас на лихтере.

— Так точн’, кэп. — С пилота градом катил пот. Казалось, его пальцы оставляли вмятины на штурвале. — Мы идем с востока на запад, а эт’ не лучший путь; но мы обг’няем песчаные тучи. Я не за с’бя волнуюсь, а за шлюпку — она медл’нее нашей гички.

— Где они?

— Пока все хорошо. — О’Тул протяжно вздохнул и, казалось, чуть расслабился. — Но именно так сказал Визер Хоттлмейер, пролетая чер’з вт’рой этаж, а летел он с девятого.

Молния синевой озарила обзорный экран. Гичка содрогнулась, одна панель заискрила и отключилась.

— В нас попало? — закричал Январь, вжимаясь в кресло под давлением в два Джи. — Нас задело?

О’Тул положил свою медвежью лапу на ладонь Января, задев при этом песчаник.

— Не волнуйтесь, дор’гой кэп, — и Январь успокоился, почувствовав себя на удивление уютно. Он знал, что способности пилота не подведут их. — Ага, вот и шлюпка! — торжествуя закричал О’Тул, проткнув пальцем призрачно-зеленые схематичные образы сенсорного дисплея. — Хей, при’м. Как вы там?

— Хей, на связи, — ответила Мэгги. — Тут натуральный дурдом, Слаггер. Я думала, что молния сдерет с корабля всю краску и оставит автограф. Черт, может и оставила. Шторм уже под нами. Похоже, нам удалось, ты, чертов Пэдди! Осталось только найти «Анджелес».

---

¹ *Тропопауза* — переходный слой между тропосферой и стратосферой.

— Верн', — согласился О'Тул, — эту басню и внукам будет не стыдно расск'зать.

— У меня и детей-то пока нет, — рассмеялась Мэгги.

— Тогда нам надо эт' исправить!

Пилот и астрогатор задали челнокам команды найти «Нью-Анджелес», просчитать траектории, а также доложить о предполагаемом времени полета, расходе воздуха и топлива. Когда двигатели выключились и гичка вышла на низкую орбиту, О'Тул ухмыльнулся и повернулся к Январю.

И улыбка погасла.

Слаггер сжал кулаки, и его передернуло.

— Пусть *она* шутит, но я видел, как близко ударила молния. — Он втянул воздух сквозь зубы. — Эт' ненормально, кэп. Этот шторм. Он шел с востока на запад, прот'в ветра. Так-то, сэр. Я о таком не слых'вал прежде. Мож'т, сухая планета способна ген'рировать мощный стат'ческий заряд, но, Иисус, кэп, эт' буря была больше планеты.

Январь опустил взгляд на артефакт предтеч у себя в руке. Тот был закручен вокруг своей оси, словно винт. Амос приказал оставить экскаватор и молекулярное сито, но не бросил брусочек. И он казался весьма приятным, стоило к нему привыкнуть.

— Похоже, туристов нам с'да не завлечь.

Январь нервно рассмеялся.

— Во имя богов, да. Но может, у нас получится продать этот... танцующий камень, чтобы купить новое оборудование взамен брошенного. Похоже, Хогану все же придется снять нужную деталь с другой части корабля. Не думаю, что на планету стоит возвращаться.

— Иисус, нет! Я ск'рей вернусь на Новый Эрен ждать Большого Удара. К т'му же от об'рудования нич'го не осталось: ни от экск'ватора, ни от игрушки Билла. Нич'го, окромя пепла. Спорю, шторм не испортил Полуночное Яйцо, Скользун и тот г'ршок — как его там яз'чески назвал Джонни?

— Будмаш-Лотах.

— Вот-вот. Без п'нятия, п'чему Джонни не г'ворит на черт'вом гэлактическом, как остальные.

— Не думаю, что шторм навредил им, этим Неподвижным Предметам. И, Слаггер, сомневаюсь я, что эта буря была есте-

ственной. Видимо, предтечи сотворили нечто ужаснувшее их и спрятали это навеки, но...

Гичка, сделав полный круг, снова прошла над местом высадки, но сквозь обзорный экран капитан не увидел ничего, кроме черной вихрящейся массы, скрывшей четверть планеты. Может, шторм уже слабел и рассеивался. Кто знает.

— Но? — напомнил О'Гул.

— Но даже вечность не беспредельна. — Январь расслабился в ремнях безопасности и, потирая гладкий песчаник, порадовался тому, что они сбежали от непреодолимой силы.

ОН КРАК¹

— **З**начит, это гянтрэй, — говорит арфистка. — Счастливый исход. Победоносное спасение от неизвестной угрозы — еще и с призом в руках! — Она снова достает арфу и, удобно устроив ее на коленях, принимается наигрывать задорную мелодию, перебирая пальцами по струнам. Прислушивающиеся к музыке мужчины улыбаются, сами не зная чему; а одна женщина хмурится и оборачивается к затемненной нише, словно пытаясь отыскать источник нежданного веселья.

Человек со шрамами ухмыляется, хоть в гримасе его и нет радости. Улыбка выражает скорее скорбь и печаль — веселье, мрачное, как само отчаянье.

— Начала нередко таковы, — произносит он. — Иначе кто стал бы слушать дальше? Печаль, она для окончания, а не для начала.

Гянтрэй неуверенно нарастает, переходит из третьей тональности в более мрачную четвертую, намекая на скорбь под маской веселья. Но затем...

Оллам накрывает струны ладонью, заставляя их замолчать, и все, кто находится в комнате, —

---

¹ *An craic* — веселье (ирл.).

кроме человека со шрамами, равнодушного к любой музыке, — едва слышно вздыхают из-за разом нахлынувших предчувствий. У музыки свои чары, но они не всегда очаровывают.

— Нет, — говорит арфистка. — Это обман. Взгляд на прошлое из будущего, и потому прошлое невозможно увидеть таким, каким оно было в действительности. Пускай веселятся. Никто не знает, что это только начало. Пусть живут моментом. На прошлое следует взирать так, словно оно все еще является настоящим, а будущее — лишь переплетение вероятностей.

Человек со шрамами неприятно усмехается.

— Как будто Тристам мог добиться успеха? Все кончено. Все уже произошло. То, что случилось, уже случилось, и этого не изменишь. Нет такого мгновения, в икрыных внутренностях которого не таилось бы будущее. Трагедия может появиться только из утробы счастья, породившего ее.

Улыбка арфистки становится светлее, радостнее, убийственнее.

— И наоборот, — отвечает она. — Порядок и хаос. Инь и ян. Скорбь порождает радость. — Ее пальцы пощипывают струны, заставляя их переливаться репризой темы Тристама. — Он победил. Смерть Тристама стала его триумфом.

Человек со шрамами мрачно ворчит:

— Тогда он уж точно проиграл.

Арфистка решает не спорить с ним. Человек со шрамами одержал сомнительную победу в борьбе за выживание, и она не хочет перечить ему, по крайней мере, до тех пор, пока не дослушает его рассказ до конца. Ее пальцы вызывают из арфы Января, а также историю обнаружения Танцора. Мелодия обрывочна, пока это только мотивы и темы. Это еще не песня. Она рисует безжизненные пустоши безымянного мира, загадку города под песком, странную красоту зала, а также его неподвижное содержимое — землю, воду, огонь и воздух. Сокрушительное приближение непреодолимого. И чередой обрывается танцем угрозы и избавления — безумная пляска и изящная кадрили, кружащийся вальс и грациозный балет. По крайней мере, это правда. Вальсы и пляски таят опасность, и арфистка подозревает, что впереди их ждет немало танцев.

— Значит, они все равно разобрали часть корабля, — говорит она сквозь звон утихающих аккордов. — Им следовало поступить так с самого начала.

— Да, — отвечает человек со шрамами. — Запомни это. И ты успела совершить ту же ошибку, что и Январь.

— Какую же?

Но человек качает головой.

— Это я скажу в конце. И плох тот конец, у которого только одно начало.

Голтрэй¹

ВЫГОРЕВШАЯ ЗЕЛЕНЬ

— **В**се началось на Новом Эрене², — говорит человек со шрамами...

...В мире черного вулканического стекла и крутых базальтовых утесов. Чахлая зелень, благодаря которой этот мир получил свое название, присутствует, собственно, лишь в самом его названии и в узкой вьющейся долине, которая заканчивается небольшой высокогорной тесниной чуть ниже вершины Бен-Бульбен. Как и другие миры, его подвергли терраформированию; но он пока еще был слишком юным для подобного взросления, и людям удалось отвоевать эту горную долину, прежде чем у них закончились семена, припасы и воля. Планета только-только выбралась из огненной колыбели и до сих пор извергала из своих недр расплавленный камень и пирокластический пепел, поэтому Дол был большой зеленой раной на тусклой черно-красной плоти планеты. Для местных жителей границы долины постепенно сжимаются, поскольку базальт, гранит и диорит медленно, но верно забирают обратно свои владения.

¹ *Goltraí* — медленная грустная песня, плач (*ирл.*).

² *Эрен* (от *ирл.* Eireann) — самоназвание Ирландии.

— Но пусть они радуются настоящему, — скалитесь человек со шрамами. — Ибо пока они живут в зеленом раю, а черная пламенеющая реальность поджидает за пределами взора, за грядой Чада. Все извержения, пар и лава вырываются в Пустоши под ними, туда, где тектонические плиты тоньше и магма подступает к самой поверхности. Поэтому их гибель еще впереди. Пока...

...Пока в один прекрасный день Дол Эрена также не взорвется. Большой Удар, как в шутку называют это событие местные жители. Теснина под Бен-Бульбеном богата горячими источниками...

Это мир грустных песен (что должно обрадовать тебя, арфистка). Когда эреноты хотят повеселиться, они не поют. Они дерутся. И делают они это довольно часто, чтобы облегчить свою незавидную участь.

Долу удастся сводить концы с концами. Местные жители способны прокормить себя и производить предметы первой необходимости. Благодаря термальным станциям энергии у них всегда в избытке, но развлечений почти нет, а способы проведения досуга не отличаются разнообразием. Один из них — пьянство (в чем они проявляют немалый талант), второй же — ведение бесед (что считается у них настоящим боевым искусством). Ради дешевой энергии компании из иных, более богатых миров построили здесь орбитальные заводы. Большая часть иномирового экспорта Нового Эрена основывается на транзите избыточной энергии на эти заводы, а также на снабжении их продовольствием. Корабли МТК прибывают на станции с припасами, а улетают с готовой продукцией. Самому же Новому Эрену перепадает немного.

Другой важный источник иномирового заработка — туризм. С Агадара и Боярышниковой Розы, с Малой Ганзы и Гладиолы, даже с самой Верховной Тары люди прибывают нескончаемым потоком. Они поднимаются на Западный Чад и взирают на дикую, непокорную природу, на великие гейзеры и фонтаны лавы, на реки расплавленного камня и базальтовые ледники.

— Вид'те то пир'кластовое облако, вон там? Наде'сь, оно идет не к нам... Ах, ост'рожнее здесь прыг'вайте, ваш' светлость, вы же не х'тите сверз'ться в лавовую лужу.

О, гиды с Чада разыгрывают настоящий спектакль, не скупясь на лесть и слегка намекая на опасность, чтобы туристы дрожали от возбуждения.

— Не сомн'вайся, эт' просто маска, — пародирует местный акцент человек со шрамами. — Они ирландцы не больше, чем ты или я тибетцы. Уже нет. За столько веков каждый житель Старой Земли стал нашим предком. Для воскрешения давно мертвого нужно нечто большее, чем дать свое имя поселенцам и тщательно придумать архаизмы. Но что еще делать людям, у которых нет будущего, кроме того как воссоздавать прошлое?

Потом туристы на гондолах возвращаются обратно в Дол, откуда остальная планета, скрытая за Чадом, кажется дурным сном. Они останавливаются в отеле «Да Дерга» или в причудливых туристических коттеджах Среднедоля или же ищут развлечений (какими бы скучными они ни были) в Новом Центре. Туристы тратят еще больше наличных и остаются до тех пор, пока им не наскучит (что наступает довольно скоро) или же пока не испугаются (что случается еще скорее). Однажды утром турист распахивает настежь створки до ужаса милой гостевой комнаты и глубоко вдыхает аромат ярко-зеленого травянистого Дола — ветерок чуть теплый и приносит с собой едкий дымок от расплавленного камня. И вдруг «ужасно милое» кажется уже не просто «милым». И турист задумывается: да кто в своем уме здесь поселился бы? И затем: да кто в своем уме останется здесь секундой дольше?

Поэтому туристическая отрасль не слишком влияет на экологию планеты. Намного больше людей стекается на Алабастер поглазеть на Скальный Калейдоскоп. Но любопытствующие ради утоления своего любопытства все равно посещают небольшие миры вроде Нового Эрена. Они привозят с собой не только твердую валюту — шанхайские дукаты, гладиольские векселя, но также нечто столь же важное: новости с других планет. Известия путешествуют по Электрической авеню не быстрее кораблей, да и то попадают лишь туда, где эти корабли пришвартовываются, поэтому новости нередко бывают обрывочными, приходят без какой-либо периодичности и из самых неожиданных мест. Эреноты довольно хорошо осведомлены о происходящем в Боярышниковой Розе и Новом Ченнаи и не-

многим меньше относительно Иговы и Йеньеньского скопления. Но Верховная Тара? Содружество Хэчли? Далекий Гатмандер? О, то были магические названия и чудные места! Время от времени было легко поверить, что где-то там, далеко, действительно раскинулась Объединенная Лига Периферии и непоседы вроде Слаггера О'Тула поднимались на первый подвернувшийся странствующий корабль и отправлялись на поиски планеты, усыпанной золотом.

Несколько лет назад эреноты наняли по контракту Клан Ориэль для выполнения правительственных функций, и Клан прислал добросовестного администратора, который взял служебное имя Падрейг О'Кэрролл, хотя на самом деле его звали Людовик Ахмед Окпалауго. Он вел дела честно и прозрачно, хоть поначалу эреноты этого и не понимали, поскольку даже не догадывались, что такое возможно. Но едва поняли, сразу взбунтовались — ведь администрация, не берущая взятки, не станет оказывать и определенного рода услуги.

Есть аппетиты, которые лучше не утолять, ибо они станут неумными. В качестве дополнительного стимула для потенциальных работодателей правительство Нового Эрена пригласило Межзвездную Торговую Компанию для обслуживания орбитальных заводов. Корабли МТК были рассеяны по всей ОЛП, «От Гатмандера до Малой Ганзы», как гласил их девиз. Еще компания славилась сверхъестественным предвидением, где за определенный товар можно было выгадать наилучшую цену. Внакладе не оставался никто: покупатели всегда получали товары, производители — свою выгоду, а сама же МТК — щедрую плату за посредничество. Как результат — компания завладела значительной долей всех отраслей Нового Эрена.

Кроме туризма.

А тут текли неплохие деньги. Небольшие в сравнении с тем, чем уже обладала МТК; но с ростом состояния она становилась только голоднее. А когда толстяк пиршествует, всегда найдутся те, кто подберет крохи со стола. Ориэль не стал бы прекращать действие или изменять условия своих контрактов, но МТК славилась в этом отношении куда большей гибкостью. Бакшиш у нее не считался чем-то неправильным. Компанию не связы-

вали моральные узы древних религий, и она не делала из этого большой тайны. Межзвездная Торговая Компания верила в справедливое распределение богатств, но только до тех пор, пока у нее самой была наибольшая их доля.

К тому же существовала определенная корпоративная этика. Когда ты принимаешь взятку, то в ответ даешь что-то требуемое. Если занимаешься откатами, нужно удостовериться в качестве оказанных услуг. Однажды на Агадаре МТК заключила контракт на постройку магистрали вдоль Наめкающего океана. Подрядчик решил сэкономить на материалах, и дорогу смыло в первый же сезон муссонов. Агент МТК без промедления вызвал местную дружину, которая схватила подрядчика и отправила его в ремонтную бригаду — под палящее солнце с одной лишь дегтярной кистью и шляпой-тераи на голове. После этого компания передала контракт на починку магистрали его самому крупному конкуренту. Есть что-то очаровательное в столь честной коррупции. Похищения и принудительный труд считались вне закона, по крайней мере до тех пор, пока не подкупили Ассамблею. Но это было поэтично. И с этим не поспоришь.

Поэтому, когда Известные Персоны намекнули агенту МТК на Новом Эрене, что смена администрации может принести обоюдную выгоду, агент Вандермер Нунруддин ответил, что хотя и не может оправдать подобные действия, тем не менее он не видит причин, по которым МТК не может вести дела с любой другой администрацией Дома Собраний. Агент даже посоветовал несколько управленческих корпораций, одна из которых, в духе свободной конкуренции, оказалась не чем иным, как фактически дочерним предприятием МТК.

Того, что произошло дальше, не ожидал никто.

Скорее всего, Нунруддин рассчитывал на тихий переворот, надеясь на то, что Клану Ориэль дадут «золотой парашют»¹ и за дело возьмется дочерняя компания МТК. Циники зачастую полагают, что все только и ждут, чтобы пойти на сделку, и что

---

¹ «Золотой парашют» — компенсация, выплачиваемая руководителям организации в случае их увольнения либо ухода в отставку по собственной инициативе в результате слияния компаний или смены собственника.

даже святыми двигают эгоистичные побуждения. Известные Персоны, которые обедали с ним, наверное, считали, что народ за них горой. Но если справедливая администрация, которая никому особо не благоволит и устанавливает умеренные налоги, прозрачно расходующиеся во имя общественного блага, вызывает неприятие в сердцах одних людей, она в то же время завоевывает искреннюю любовь в сердцах других. Большинство эренотов предпочло бы не совать свой нос в правительственное корыто, но подавляющая их часть не верила, что Известные Персоны позволят им даже подобраться к этому корыту. Поэтому, если заговорщиков и агента МТК несказанно удивило, что так много людей восстало против переворота, всех остальных поразило, что так много людей его поддержало.

Война всегда уродлива, а гражданская война уродливее прочих. Оккупанта можно прогнать восвояси, но сосед после окончания боевых действий останется соседом.

На Новом Эрене армия отсутствовала. Дол был слишком узким и гористым для поддержки какой-либо противоборствующей стороны. Ближайшим государством являлся Махарадж на Новом Ченнаи в трех днях быстрого перелета по Великой магистрали; но Новый Ченнаи не питал ни малейшего интереса к происходящим событиям и вдобавок в принципе не был осведомлен о существовании Дола на Новом Эрене.

Как следствие — на планете не имелось ни танков, ни самолетов, ни артиллерии. Зато имелись силы правопорядка — гарди, — и эти гарди были вооружены, поскольку в трущобах любого мира, даже такого крошечного, как Новый Эрен, обитали головорезы. Когда заговорщики атаковали Дом Собраний, чтобы захватить Падрейга О'Кэрролла и его министров, половина гарди и треть их офицеров подняли знамя Ориэля над отелем «Виклоу» в Новом Центре. По этому сигналу Объединение космических докеров взбунтовалось против своего начальства, взяло штурмом Зал Объединения и объявило всеобщую забастовку в поддержку О'Кэрролла. Все эти события повергли революционеров-заговорщиков в состояние полнейшего шока.

Фермеры округа Мит, что в Среднедолье, избрали другой путь. Они всегда жаловались на «управителей-иномирян» от Ориэля. Поэтому фермеры сформировали ополчение, сожгли

дома тех немногих соседей, которые не присоединились к ним, и послали в город молодчиков численностью с роту для поддержки революции.

Когда гарди-лоялисты попытались отбить Дом Собраний, домашние войска Клана Ориэль воодушевились и вступили в бой со своими немало удивленными и сбитыми с толку тюремщиками. Начался пожар — как все говорят, по чистой случайности, — и О'Кэрролл с тремя министрами погибли, отравившись дымом. После этого у Известной Персоны по имени Тэрренс Сорли сильно поубавилось уверенности. Он не ожидал смертей. Лепетал, что отказывается от поста, но остальные твердили, что уже слишком поздно, что «жребий брошен» и прочее в том же духе. Но Сорли отвечал, что уйдет в любом случае, поэтому Красавчик Джек Гэррити пристрелил Сорли тут же в зале заседаний, и его желание в конечном итоге исполнилось.

Война всегда уродлива, но эта — уродливее прочих. Самолеты, танки и самонаводящиеся снаряды хотя бы делают все чисто, и почти каждый, кого убиваешь, находится за пределами зрения. А вот пистолеты, винтовки, гелинит — который здесь зовут «веселое па-па» — оружие ближнего боя и очень личное. Можно заключить мир с тем, против кого сражался на расстоянии, но куда сложнее помириться с тем, чье зловонное дыхание чувствовал на своем лице и чей кинжал был в дюйме от твоего горла.

И дело дошло до кинжалов, мечей и копий. Оружейная промышленность на Новом Эрене была развита слабо — как раз в достаточной степени, чтобы гарди могли справиться с немногими головорезами. Охотников тут не было, поскольку в Доле животные не водились; а стрелки по мишеням пользовались безвредными инфракрасными «пульсаторами». Вскоре после сожжения Дома Собраний все запасы оружия были израсходованы, а продукция заводов Реардона и Хэрригана в конечном итоге не досталась никому — совладельцы взорвали заводы, создав потрясающих размеров кратер в предместье городка Голуэй, затем пожали друг другу руки и разошлись по разные стороны баррикад. Реардоны присоединились к революционерам, а Хэрриганы к лоялистам. В подобном жесте было даже

нечто джентльменское и достойное уважения. Они ограничили масштаб войны, пускай ценой баснословной прибыли и всего, чем владели. Ореол самопожертвования превратил Реардона в белую ворону в рядах революционеров. И на доверии других Персон этот поступок также сказался не лучшим образом.

Некоторые изготавливали кремневые винтовки и ружья-самострелы, но подобное оружие в основном считалось варварским, и эрэноты отдавали предпочтение кутлассам¹, диркам² и двуручным мечам-клейморам³. Зачем посылать стремительную пулю, которая разорвет кому-нибудь внутренности, если можно разрубить противника от ключицы до паха одним хорошим ударом? Можно застрелить человека по случайности, но потребовалась бы неподдельная целеустремленность, чтобы снести ему голову с плеч.

Война всегда уродлива. Это вываливающиеся из распоротых животов внутренности. Это голова, пытающаяся прошептать последние слова, с удивлением уставившись на тело, которое прежде венчала. Это понимание ужасного значения слов «человеческие останки» в руинах отеля «Да Дерга», после того как какой-то пацан использовал последний заряд «веселого па-па».

Поэтому для подобной войны должна быть чертовски хорошая причина, ведь даже если она хорошая, то все равно остается чертовской. И все же лучше сражаться за свободу и преданность, чем за жалкую разницу в тарифах. Куда бóльшие войны начинались по куда меньшим причинам. А если человек не готов взяться за оружие для защиты своей свободы, он станет рабом для первого же тирана, который ради власти пойдет по

---

¹ *Кутлас* (англ. cutlass) — абордажная сабля небольшой кривизны с укороченным массивным лезвием и сильно развитой гардой. Широко применялась военными моряками и пиратами в XVIII–XIX веках в абордажных боях.

² *Дирк* (гэльск. bidog) — шотландский национальный кинжал с длинным прямым (до 30 см) клинком полуторной (реже — односторонней) заточки и рукоятью без крестовины. Был широко распространен у шотландских горцев, став их излюбленным национальным оружием в XVI–XVIII веках.

³ *Клеймор* (от гэльск. claidheamh more — большой меч, англ. claymore) — шотландский меч двуручного или полуторного (реже) хвата. Были распространены в Шотландии с XVI по XVII век.

трупам. Это не делает события менее горестными, но может означать, что в последующие годы, когда человек однажды глубокой ночью проснется в холодном поту, он сможет потом наконец спокойно уснуть.

Революция затевалась не для того, чтобы к власти пришли тираны. Заговорщики лишь хотели запустить руку в поток налогов, проходящий через Дом Собраний. Но последовавшие события поглотили своих творцов. Определенные шаги стали «необходимыми». После двух недель боев в живых не осталось ни одного из числа первых заговорщиков, за исключением Красавчика Джека, который, хоть и получил ранение, продолжал командовать из Центра вещания. Погиб даже агент МТК. Пошли слухи, что он был подстрекателем переворота, и одним особо насыщенным событиями вечером лоялисты заложили в машину Нунруддина «веселое па-па».

У лоялистов лидеров не было. Контрреволюция получилась спонтанной, а О'Кэрролл вместе с большинством соратников погиб в сгоревшем Доме Собраний и в последовавших за этим событием боях. К концу второй недели из укрытия в Долине Ардоу вышел тэнейст¹ О'Кэрролла, служивший помощником управляющего. Когда началась война, он как раз проводил публичные слушания по поводу школьной программы — занятие настолько милое и нормальное, что от его невинности впору заплакать. Едва начались проблемы, он со своим телохранителем ушел в горы. Революционеры не знали, что он находился за пределами города, иначе отложили бы переворот еще на неделю, — поэтому они не прочесали Южный Дол, чтобы захватить его в плен. К тому времени как заговорщики начали думать о чем-то кроме захвата Дома Собраний и Центра вещания, тэнейста уже и след простыл, а жители округа Ардоу лишь непонимающе хлопали невинными глазами.

Две недели он собирал силы и сведения. Поначалу с ним был только личный телохранитель, но позже он отыскал войска Ориэля, рассеянные по Южному Долу, очаги лоялистов, а также мобилизовал местных из числа преданных Клану. Он даже использовал, пусть и с большой неохотой, банду Магрудера. За

---

¹ *Тэнейст* (от ирл. *Tánaiste*) — заместитель премьер-министра.

определенную плату они были готовы «стучать» на кого угодно, и, таким образом, у тэнейста появилась разведка.

Служебным именем тэнейста было Маленький Хью О'Кэрролл, хоть при рождении на Венешанхае, что в Йеньйеньском скоплении, его нарекли Рингбао делла Коста. Последующие деяния Маленького Хью стали достоянием легенд. Доселе он и не догадывался, что обладает такими способностями в создании беспорядков. Маленький Хью стал «Призраком Ардоу». Ни один лидер революции не мог скрыться от его эскадронов смерти. Люди Хью нападали стремительно и бесшумно, а поднабравшись опыта — бесстрашно и умело. Магрудеры имели глаза и уши в каждом городе, а также знали нужных людей. Они всегда могли указать искомую цель, всегда могли найти и открыть взяткой любую дверь. В противоположность этому, Призрак всегда ускользал от людей Красавчика Джека, и по Долу разошлось немало историй о его похождениях и чудесных спасениях.

Некоторые лоялисты, особенно выжившие гарди, возражали против подобных методов. Они считали бесчестным нападать из засады, бить в спину или вести партизанскую войну. Мужчине следует сходить с врагами лицом к лицу. Тогда Маленький Хью предложил им сражаться с врагами открыто и отвлекать их на себя, а сам в это время уничтожал лидеров. Когда революция начала становиться все более и более неуправляемой, лоялисты увидели в действиях Хью логику, хотя душой так и не приняли их.

Революция сменила второй, затем третий круг лидеров, когда стало понятно, что четвертый найти уже не так просто. Единственным, до кого Маленький Хью не добрался, был сам Красавчик Джек, превративший Центр вещания в неприступную твердыню. Три группы пытались проникнуть в Центр, двум это удалось, одна добралась до кабинета Красавчика Джека. Двое охранников убили двоих убийц, а Красавчик Джек расправился с третьим, что было очень неплохо для человека с одной рукой.

История превратилась в легенду. Красавчик Джек и Призрак Ардоу сражаются в титаническом поединке на фоне сгущающихся сумерек. Люди уже начали слагать баллады, а война шла всего-то четыре недели.

Случались и промахи. Однажды эскадрон смерти «убрал» в поселке Койн Криспина Дэлла, районного лидера революции, когда тот спал в кровати вместе со своей любовницей. По ходу дела убрали и ее тоже. Не самый лучший вариант, поскольку действовало неписаное правило: щадить мирных жителей. В другой раз Красавчик Джек потерял целый округ Мит, когда его люди перебили гарди в хорошо спланированной засаде. Фермеры из Мита питали искреннюю привязанность к старым правоохранителям, а случившееся походило на ушат холодной воды. Они посмотрели на окровавленные мечи, друг на друга и испугались того, что с ними стало. Фермеры в полном составе отправились в Среднедолье, а силы Красавчика Джека попытались остановить их. Большая ошибка: во-первых, все отлично знали, что митменцы сполна испили свою чашу и просто хотели домой; а во-вторых, они возвращались домой с мечами в руках, и четыре последние недели научили фермеров, как с этими мечами обращаться.

Войска революции вытеснили лоялистов в Новый Центр, поселок Фермой и еще несколько мест, когда на орбиту планеты вышли два корабля с неполным полком гвардейцев МТК. С орудиями и вертолетами. И возможностью спутниковой разведки.

Они направлялись к Боярышниковой Розе, где МТК надеялась выиграть тендер на защиту границ небольшого, но богатого государства Фалез. Корабли отбыли из гладиольского депо и шли три недели по Великой магистрали. На Новом Эрене они надеялись отдохнуть и восстановиться, но, вместо этого, попали в пекло гражданской войны. Полковник София Юмдар, командовавшая двумя ротами, считала, что гражданские войны не лучшим образом сказываются на бизнесе (энергетические лучи к орбитальным заводам стали прерывистыми) — и прямо-таки фатальны для туристической отрасли, которую МТК надеялась взять под контроль. Гильдия энергетиков и Ассоциация гидов Чада, которые предпочли стоять в стороне, с ужасом наблюдая за разрушением всего, что было им дорого, молили ее вмешаться, пока не улетели заводы и окончательно не иссяк поток туристов.

Последней каплей стали известия о гибели от рук лоялистов агента МТК — безвинного наблюдателя, по мнению Софии Юмдар.

Подобный терроризм нельзя было терпеть. Полковник велела своим войскам готовиться к высадке и отправила быстрый челн обратно в полковое депо с вестями о случившемся и приказом о мобилизации оставшихся двух рот.

— Я подавлю это восстание за неделю, — поклялась она, видимо позабыв, что взбунтовались не только лоялисты.

И подавила.

А чего вы ждали? Полковник пришла с пистолетом на поножовщину. Ее спутниковая разведка могла обнаружить даже небольшие группы, кравшиеся по Долине Ардоу, и провести операцию по их пленению либо сбросить на них что-нибудь с орбиты. Последним средством она воспользовалась всего раз, для демонстрации, и больше к нему не прибегала. Затем начало происходить нечто из ряда вон выходящее. Люди стали помогать Призраку Ардоу.

И это было последним актом трагедии. Маленький Хью собрал вокруг себя людей, любивших его сильнее, чем Дол, сильнее, чем старую администрацию, готовых умереть ради него, ради того, чтобы он выжил и воплотил их чаяния о «Возвращении О'Кэрроллов». Рыжий Суини. Мэв Нож. Вольдемар О'Рахилли. Эти имена произносились с трепетом лишь чуть меньшим, чем имя самого Маленького Хью.

И они отдавали свои жизни. Один арьергард гиб за другим, чтобы дать ему время скрыться. Хью прятался ловко, словно рыба в воде. Один раз под видом лудильщика, в другой как священник, в третий — переодевшись женщиной. Под последней личиной его и раскрыли, когда какой-то капрал МТК задрал ему юбку по несколько иной причине и получил большой, но последний сюрприз в своей жизни. Полковник Юмдар почти поймала Призрака в поселке Фермой, где его узнали в обычном рабочем, занятом отстройкой отеля «Да Дерга», но ему удалось выскользнуть из расставленных сетей и скрыться. В Среднедолье, где он, как ни удивительно, руководил восстановлением сожженных ферм взбунтовавшихся фермеров,

произошла еще одна стычка. Маленький Хью использовал вымышленное имя, но особенно не шифровался. Люди, которыми управлял Призрак, долго и упорно сражались за революцию, пока резня гарди не открыла им глаза на правду. Когда к ним приблизился реактиволет с отрядом МТК на борту, к нему бросились трое закаленных митменцев с клейморами наперевес, и за время, которое понадобилось бойцам, чтобы перестрелять их, Призрак исчез. Полковника Юмдар терзало любопытство, что же это был за человек, которого почитали даже его враги. Когда она прямо спросила об этом у Красавчика Джека Гэррити, однорукий мужчина на мгновение задумался, после чего лишь покачал головой и произнес:

— Вы все равно не поймете.

Она так и не поняла. Сведений о местонахождении Маленького Хью становилось все меньше, зачастую они оказывались ложными, из-за чего ее отрядам приходилось носиться по всему Новому Эрону, и как-то раз их занесло даже на крошечную теснину в верховьях Дола, чуть ниже пика Бен-Бульбен.

Наконец после нескольких дней беготни космодокеры Объединения упаковали Маленького Хью в контейнер вместе с запасами воды и продовольствия на девять недель, вписали адрес доставки, пометили груз как «хрупкий», погрузили на лихтер и отправили на перевалочную станцию на высокой орбите. Там ему предстояло ожидать межзвездный грузовой звездолет, который будет первым пролетать мимо. Когда Маленький Хью уже был готов залезть в контейнер, у всех навернулись слезы на глаза, его обнимали и целовали в щеки, а Рыжий Суини спросил:

— Ты еще вернешься?

И Призрак Ардоу сделал то, чего ему точно делать не стоило. Он поклялся именем отца, что вернется и сполна рассчитается за предательство, совершенное на Новом Эроне.

На Вершинной станции миновала неделя. Все, кто был в курсе, боялись, что их хитрость раскроется, и облегченно вздохнули только после того, как один бродячий грузовой звездолет взял контейнер (а с ним и Маленького Хью) на борт.

Полковник Юмдар со смешанными чувствами наблюдала за отбытием «Нью-Анджелеса». Она была не из тех, кого занима-

ли романтические помыслы о мести. От команды злосчастного звездолета ей удалось получить нечто куда более ценное за обещание МТК позже заплатить причитающийся им процент. Возможно, по этой причине полковник находилась в хорошем расположении духа, когда приказала охранникам не задерживать Призрака Ардоу. Ее миссия заключалась в том, чтобы восстановить порядок, и она считала, что побег Маленького Хью позволит достичь этой цели намного эффективнее, чем его пленение. Легенды вызывали проблемы, но мученики принесли еще больше неприятностей. Без Призрака Ардоу, который бы мог возглавить лоялистов, последних выловили уже без особых усилий.

В итоге желаемого не достиг никто. Лоялисты не смогли вернуть старую администрацию. Дочерняя компания МТК под шумок перекупила контракт на управление у Клана Ориэль, который принял плату в качестве возмещения издержек; и полковник Юмдар великодушно разрешила персоналу О'Кэрролла покинуть планету за счет МТК. Но и Известные Персоны, заварившие эту кашу, не обрели искомую власть. Все они, за исключением Красавчика Джека, погибли. Но даже сам Красавчик Джек оказался у разбитого корыта. Его сторона одержала победу, но Юмдар не доверяла ему, и все лавры достались не Красавчику Джеку, а полковнику. Кроме того, она небезосновательно подозревала, что он приложил руку к побегу Маленького Хью, и не могла понять мотивов человека, поступившего подобным образом.

Люди вернулись к привычной жизни под пристальным надзором 33-го гвардейского полка миротворческой корпорации МТК. Они с ужасом и жалостью взирали друг на друга, на развалины, которые сотворили своими же руками, и постепенно принялись отстраивать все заново. Это как нельзя лучше подходило Юмдар, в дополнение к званию полковника принявшей гражданскую должность планетарного управителя, так как до установления правопорядка, нового притока туристов, а также возобновления подачи энергии «Компания Шон» не получила бы никакой прибыли от контракта — а прибыли она желала превыше всего.

И чего София Юмдар действительно не поняла, так это того, что бывшие лоялисты и повстанцы начали встречаться в пабах. Они прилюдно жали друг другу руки, дабы побудить остальных на отстройку ими же разрушенного. Сама она, будучи временным губернатором, призывала жителей к тому же в прямом эфире и личных выступлениях по всему Долу. Кроме того, все хорошо знали, что в случае нарушения порядка 33-му полку было приказано «занимать позицию посередине и стрелять в обе стороны». Но вот то, что вечерами они компаниями собирались в пабах и рассказывали истории о сожжении отеля «Да Дерга» или резне гарди, пели баллады о штурме Дома Собраний и марше митменцев, непрестанно восхваляя подвиги каждой из сторон, — оставалось выше понимания Юмдар. Когда подполковник пересказал ей песню «Маленький Хью оставил нас», один из куплетов которой объяснял секрет ее снисходительности в последний момент тем, что София втайне восхищалась Призраком, полковнику первым делом захотелось эту песню запретить. Но Красавчику Джеку удалось ее отговорить.

— В конце мы всегда поем и пляшем, — пояснил он.

Позже она услышала, как Красавчик насвистывал эту мелодию, заседая в Торговой палате.

Что только укрепило ее в мысли, что все эреноты — психи.

А еще она заполучила хитрую статуэтку предтеч. Камень, который каким-то образом танцевал, изменяя свою форму. Она могла разглядывать его часами, пытаясь уловить сам момент изменения, только чтобы спустя некоторое время осознать, что он уже изменился. Юмдар знала, что ей придется передать камень в Центральный офис на Старом Сакене, поскольку выгоды от него не будет до тех пор, пока он не пойдет с молотка на аукционе, но пока что эта вещь принадлежала только ей. У полковника были письменные показания Января о месте, где была сделана находка, неразборчиво подписанные членами его команды, а еще заметно приукрашенная хитрая басня, без сомнения состряпанная для того, чтобы отпугнуть других охотников до наживы. К показаниям Юмдар приложила собственный документ, подтверждающий, что артефакт перешел в ее распоряжение.

И все это взамен на разрешение встать на ремонт и техобслуживание в депо МТК на Гладиоле плюс обещание доли с продажи камня на аукционе. Неплохая сделка для нашедшего сокровище, но Январь даже не удосужился поинтересоваться, были ли у Юмдар полномочия вообще предлагать подобное. Лично она надеялась, что Правление подтвердит ее обещание. МТК могла быть щедрой, когда это не обходилось слишком дорого, к тому же Январю починят корабль — так что возражений с его стороны не последовало.

Песчаник так удобно лежал в руке, что полковник с ним не расставалась. «Словно скипетр», — брюзжали некоторые помилованные лоялисты в новом Доме Собраний, и их коллеги из числа повстанцев соглашались, ведь они проливали кровь не для того, чтобы сделать из Юмдар королеву.

Но изданные ею указы казались разумными, даже вдохновляющими, и люди, услышавшие их, бросались на восстановление с пылом, сравнимым только с былой яростью. В кое-каких районах даже поговаривали, хотя, следует подчеркнуть, недолго, что королева на царстве — не такая уж плохая мысль. Юмдар занималась полезным делом, и, хоть некоторые гиды в своих уединенных хижинах на склонах Чада и ворчали насчет «подхалимства» горожан к диктатору МТК, все соглашались, что после всего случившегося диктатура не была лишена смысла.

То, что произойдет дальше, будет уже совсем другой историей.

ОН КРАК

— **З**начит, голтрэй, — произносит арфистка. — «Плач по Хью О'Кэрроллу».

И арфа звучит так жалобно, что у половины посетителей на глаза вдруг наворачиваются слезы.

Человек со шрамами какое-то время слушает, но песнь, похоже, ничуть его не трогает.

— Знаешь, у них ведь не все дома, — говорит он, — у эренотов. Но чего еще ждать от народа, который живет на плоту, болтающемся посреди моря кипящей лавы? Большой Удар может случиться в любой момент, поэтому неудивительно, что временами у них сносит крышу.

— Юмдар собиралась оставить Танцора себе или действительно намеревалась отправить его на Старый Сакен?

— Думаю, изначально нет, но в конечном итоге решение приняли за нее. Произошедшее с Юмдар не интересует никого, кроме самой Юмдар. Если тебе нужна жалобная песнь, то подлинно трагический персонаж этой истории — Красавчик Джек Гэррити.

Арфистка удивлена, ее пальцы нерешительно замирают.

— Он? Но почему?

— Потому что он выиграл все, но не получил ничего, а что может быть хуже? Красавчик стал заместителем заведующего отделом в мелкой конторе — участь, едва ли достойная героя Нового Центра. Вот почему борьба с Призраком погубила его. Это был единственный раз в его жизни, когда он чего-то да стоил.

Арфистка насмешливо наигрывает традиционный военный марш.

— Я бы не назвала его героем.

— Нет? А кто тогда герой? Конечно, человек, который не боится умереть, отважен, держит под контролем свои чувства — свою злость, страх и отчаяние — ради достижения цели. Красавчик Джек не поддавался отчаянию до самой победы. Неужели героями могут быть лишь те, кто соответствует твоему пониманию доблести? Может, Призрак Ардоу? — Человек со шрамами приветственно взмахивает рукой, как будто сам Призрак только что вошел в бар.

— Нет. — Ее прежний «Плач» сбивается и становится нестройным, и наконец она откладывает арфу и опускает руки на стол. — Но я считала его хорошим человеком. Не убийцей, не головорезом.

Похоже, она тронута. Оказывается, у той, чья музыка — безмолвие, есть чувства.

Человек со шрамами злоеще смеется.

— Он преуспел, и этого у него не отнять. Считается, что есть разница между быстрым и четким убийством определенного человека и убийством множества людей на поле брани. Может, ты растолкуешь нам разницу?

— Герой, — тихо произносит она, — побеждает себя.

Человек со шрамами некоторое время молчит. Затем он толкает свой стакан с виски в противоположный конец стола, где арфистка ловит его прежде, чем он успевает упасть на пол.

— Это сражение, — мрачно говорит он, — в котором у некоторых из нас нет шансов на победу.

Он смотрит на стакан, а затем на арфистку.

Послание понятно. Она машет бармену, и тот вскоре подливает «воды жизни». Арфистка также получает непрошенный стакан и подносит его к губам. Спирт отвратителен на вкус,

обжигает горло, его единственное предназначение — заглушить нечто ужасное.

— Знаешь, что самое забавное? — спрашивает человек со шрамами, но, не дожидаясь ответа, продолжает: — Хью О'Кэрролл работал школьным учителем. Вот почему, когда началась заварушка, он находился в Южном Доле. Все, чего он хотел, — это учить детишек.

— Куда он отправился? — спрашивает арфистка. — Куда его люди отправили контейнер?

Лицо человека со шрамами расплывается в улыбке, похожей на оскал черепа.

— А куда смывает всех подобных ему?

— Ах! — Арфистка поворачивается и оглядывает бар вместе со всеми его завсегдатаями. — Не лучший конец для легенды.

— А кто говорит, что это конец? Это не было концом ни для человека, ни для легенды, хоть заканчивать легенды всегда сложнее. Мы с ним разговаривали вон за тем столом у окна, — он указывает костлявым пальцем, — и он поведал нам всю историю.

Арфистка тянется к инструменту.

— Итак, переходим к Иегове?

— Нет. Есть еще одно начало.

*Сунтрэй*¹

КРУШЕНИЕ НА БЕРЕГУ ПЕРИФЕРИИ

— **В**се началось возле Разлома, — говорит человек со шрамами...

...Региона, где отчаяние стало отличительной чертой небес. Места, где некое древнее божество полоснуло по глотке галактики, высвободив зияющий черный поток крови. В этой пустоте нет солнц — или нет живых солнц, и бездна эта еще менее выносима из-за окружающих ее берегов света.

В небе на дальнем краю провала мерцают далекие солнца с волшебными названиями — Дао Хита, Тсол, Вековые Солнца, — звезды, чьи миры овеяны древней славой: странные миры, старые миры, упадочные миры, миры со своеобразными и экзотическими традициями. С этого берега они кажутся такими, какими были еще в седую древность: старинный свет, шедший сотни лет, очаги Старого Содружества до его развала. Через достаточно мощный телескоп все еще можно узреть те безмятежные дни в запоздалых образах, накапывающих ныне на берег Периферии.

---

¹ *Suantraí* — колыбельная (ирл.).

О счастливых временах вещали истории: временах до Великой Чистки. Сейчас Конфедерация Центральных Миров — управляемая твердой рукой, терпеливо выжидающая, наблюдающая за Периферией голодным взором — раскинулась на дальнем берегу, за звездным провалом.

К счастью, Разлом пересекают всего несколько трасс, ибо электрические течения, которые сворачивают ткань пространства в сверхсветовые складки, зависимы от плазмы ревущих солнц, а в Разломе солнц не водится. Пути, что его пронзают, шатки, словно веревочные мосты, перекинутые через бездонные каньоны, и их конечные точки находятся у упрямых голубых гигантов. Точки пересечений были тщательно зафиксированы флотами Верховной Тары, Большой Ганзы и Содружества Хэчли. Их исследовательские корабли нанесли эти точки на свои карты, вычислили скорость пространства — местную скорость света — и прочие пространственно-временные характеристики; и у каждого такого пересечения расположили эскадру крейсеров и быстрых челнов. Их задача состоит в проверке благих намерений торговых кораблей, которые осмеливаются прилететь или отчалить, а также в ожидании того дня, когда корсары Конфедерации хлынут из Разлома волной завоевания. Тогда крейсера погибнут. Ведь что может эскадра против целого флота? Но быстрые челны ринутся прочь, чтобы донести посмертное предупреждение до всех близлежащих солнц.

Эскадра Верховной Тары под командованием Ку¹ Фира Ли охраняет пересечение, известное как Коридор святого Готхарда. Это течение выходит из приграничной провинции Конфедерации и на Периферийной стороне Разлома омывает голубой гигант, который именуется Развязкой Сапфирового Поста. Отсюда короткие ньютоновские переходы ведут к Палисадному бульвару, который тянется по границе Разлома к Старым Планетам и Шелковому пути, связывающему два десятка звезд, после чего достигают великой Развязки Иеговы и уводят дальше, к Гладиоле и Уродцу, к Новому Ченнаи и Боярышниковой Розе, к Алабастеру и далекому Гатмандеру. Третье течение идет

---

¹ Ку (от *зэльск. сү*) — гончая, охотничья собака, волк.

от Сапфирового Поста к Галактическому Востоку, где миры никогда не заселялись и не исследовались.

Согласно разведанным Фира Ли, это была наиболее ожидаемая точка вторжения. Ни одно другое пересечение не давало столь быстрого доступа к настолько обширной территории ОЛП. Он не раз твердил это Ардри с Верховной Тары, королю Талли О'Коннору, пока тот, устав от своего Иеремии¹ при дворе, не спровадил Фира Ли лично командовать Сапфировым Постом.

Поэтому Фир Ли, собрав своих Щенов и личные корабли, отправился нести караул. Но там, где его противники при дворе видели поражение и ссылку, Фир Ли видел триумф. Он был Гончим, а Гончие привыкли получать желаемое. С тех пор капитаны, люди и корабли прибывали, несли свои вахты и отбывали, но Гончий Фир Ли оставался — отлученным от двора или стражем на стене — в зависимости от точки зрения.

Некоторые придворные шептались, что Разлом, эта бездна посреди света, со временем могла сломить любого человека и свести его с ума.

Гончий Ардри мог одновременно носить множество обличий. Безмерно преданный. Неумолимый и беспощадный. У Верховного короля не было более верных слуг, нежели его Гончие. Они славились находчивостью, искусностью во всевозможных занятиях как политического, так и военного толка, безжалостностью и непреклонностью, когда предстояло сделать то, что должно было быть сделано. Они умели обращаться со словами так же ловко, как митменцы с Нового Эрена обращались с клейморами, — зачастую с тем же обезглавливающим результатом. Но и иное оружие не было им чуждо. Один-единственный Гончий, в сумерках высадившийся в Дол Нового Эрена, мог за

---

¹ Имеется в виду пророк Иеремия, один из четырех великих пророков Ветхого Завета. Иеремия двадцать три года пророчествовал, обличая иудеев за отступление от истинного Бога и поклонение идолам. Он также предсказал, что царь вавилонский опустошит землю египетскую и уничтожит поселившихся в ней иудеев. Древнее христианское предание свидетельствует, что кончина Иеремии была мученической: иудеи побили его камнями. В том же году предсказание Иеремии исполнилось.